

СОГРЕВАЯСЬ

Он согреет её.

ЕЁ

Теплом

vk.com/lovestories2017

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES

АЛЕКСА РАЙЛИ

Любое копирование текста без ссылки на группу ЗАПРЕЩЕНО!

Перевод осуществлен исключительно в личных целях, не для коммерческого использования.

Автор перевода не несет ответственности за распространение материалов третьими лицами.

Автор: Алекса Райли

Книга: Согреваясь её теплом

Рейтинг: 18+

Переводчики: NataS, Тамара (9,11 гл.),

Редактор; Марина

Вычитка: Султана

Обложка: Irishka S.

Перевод группы: <https://vk.com/lovestories2017> (Сказки для взрослых девочек).

Аннотация:

У Кэтрин наступили отчаянные времена, и она натворила таких дел, которыми не может гордиться.

Коул – уважаемый шериф города и мечта многих женщин. Но он как будто что-то потерял в своей жизни, когда на службе в армии пострадал от взорвавшейся бомбы.

Снежная буря берёт маленький городок в плен, и эти двое, столкнувшись друг с другом, вынуждены остаться вместе на некоторое время. Обстановка между ними накаляется. Но когда секреты Кэтрин всплывут наружу, будет ли Коул по-прежнему нуждаться в её тепле?

Глава 1

Коул

Я делаю глоток кофе и ставлю стаканчик обратно в держатель. Горячая жидкость помогает мне справиться с ознобом. Я тянусь за рацией, закрепляю её на поясе и беру банку печенья, которую прихватил в кафе «Мэгги» по дороге сюда. Затем выхожу из патрульной машины. Я вынужден был остановиться в кафе, чтобы выпить хороший кофе вместо того дерьма, которое я сам себе сделал сегодня утром. Я полностью бесполезен, когда дело доходит до готовки на кухне. Наверное, потому что моя мама была так хороша в приготовлении пищи, пока я рос, что у меня просто не было необходимости пытаться приготовить что-то самому. Потом я пошёл в армию, там нас тоже кормили. До сих пор мне никогда не приходилось готовить, и сейчас, то, что я делаю на кухне, никак нельзя назвать кулинарией. Скорее это катастрофа.

Я хватаюсь за плечо, пытаюсь снять в нём болезненное напряжение. Должно быть, я потянул его сегодня утром, но забыл. Я точно знаю, что скоро напряжение сменится тупой пульсацией, которая будет преследовать меня весь день. Немного помассировав плечо, я направился к своей маме. Вот уже много лет она живёт в доме престарелых. Она переехала туда почти сразу после того, как я стал рейнджером в армии.

Мы всегда жили с ней вдвоем, и я думаю, она скучала по присутствию кого-то рядом. Конечно, я думал, что она слишком молода, чтобы жить здесь, но погостив у неё несколько дней пока был в отпуске, я убедился, что это место для неё.

Я останавливаюсь у стойки регистрации и Чак, парень, который работает здесь, спрыгивает со стула, как только меня видит. Чак невысокого роста и у него всё ещё сохранились юношеские черты лица, которые он пытается спрятать за своими светлыми волосами. С золотистой шевелюрой и голубыми глазами он выглядит ещё моложе.

— Шериф, — говорит он, встав передо мной по стойке смирно.

Я слегка улыбаюсь ему, чтобы успокоить. Чак всегда такой ну, по крайней мере, когда я рядом. Он несколько раз отправлял запрос на работу в участок.

— Чак, — киваю я ему головой. — Всё в порядке?

Я всегда спрашиваю об этом, когда прихожу сюда. Я хочу убедиться, что всё в порядке и нет никаких проблем.

— Всё хорошо, сэр. Только вот... — он замолкает и переминается с ноги на ногу. Я приподнимаю бровь, провоцируя его продолжать.

— Ничего особенного, сэр, кроме странной записки, которую мы получили сегодня.

Чак копается в ящике стола и протягивает мне скомканный лист бумаги. Я беру его и читаю.

Извините, я взяла немного хлеба и арахисового масла. Надеюсь, однажды я смогу заплатить вам за это.

Я изучаю записку с минуту. Почерк мягкий и нежный. Думаю, её написала девушка.

— Честно говоря, мы бы даже не заметили, что хлеба и арахисового масла не хватает, если бы не осталась записка, — продолжает Чак, отвлекая моё внимание от записки.

Я кладу её в задний карман, не желая отдавать записку обратно Чаку.

— Я прослежу за этим, — говорю я ему, не очень беспокоясь о краже еды. Меня беспокоит другое. То, кому это понадобилось. Мы живём в небольшом городке и у нас не так много бездомных людей в округе. Так же в городе нет приюта, куда бы они могли обратиться. Возможно, есть одна из городских церквей, которая помогает им, но я не уверен.

Я киваю Чаку и ухожу к комнате своей мамы.

— Я подал заявку в академию, — бросает Чак, и я, остановившись, оглядываюсь на него через плечо.

Академия определённо пойдёт ему на пользу. Я знаю, что Чак горит желанием служить в полиции, и академия сможет показать ему, во что он ввязывается. Если это то, что он действительно хочет, то он добьётся своего.

— Это очень хорошо, Чак. Держи меня в курсе.

— Да, сэр, — улыбается он мне.

Я ещё раз киваю головой и иду к маме. Подойдя к двери в её комнату, я стучу два раза и берусь за дверную ручку. Чёрт, как всегда дверь не заперта. Бормоча проклятия, я вхожу в комнату.

— Даже не начинай, Коул, — говорит моя мама, едва я успеваю сделать шаг за порог. Мы всегда с ней спорим на тему открытой двери. Мама считает, что это безопасно, потому что в доме есть охрана. Я это понимаю, но просто ненавижу, когда входные двери не заперты.

— Она была заперта, когда я была в постели, но я уже выходила за газетами и не заперла её обратно, — пожимает она плечами. — Кроме того, кто-то может захотеть присоединиться ко мне на завтрак.

Запах только что приготовленного печенья окружает меня, заставляя заурчать желудок, напоминая мне, что я ещё сегодня не завтракал. Обычно я не ем рано, ну разве что иногда могу сделать тост. Это всё что я могу приготовить, не спалив при этом дом. В основном же я останавливаюсь у закусочной по пути на работу.

— Кофе? — предлагает мне мама, смотря на меня через плечо, стоя у плиты. Она явно собралась что-то приготовить. Наверное, миллион всего, впрочем, как и всегда.

Я подхожу к ней и, наклонившись, целую в щеку.

— Доброе утро, Ма, — говорю я ей, прежде чем подойти к кофейнику и налить себе чашку. Я кладу банку её любимого печенья в шкаф, затем прислонившись к барной стойке, смотрю, как она готовит. Сколько себя помню, мама всегда любила быть на кухне. Это было её самое любимое место. Не важно, что мы жили с ней вдвоём. Она всегда готовила столько, что можно было бы накормить армию. Вот и сейчас она не изменяет своему правилу. Я уверен, что скоро в её квартиру начнут приходить люди на завтрак.

— Я бы хотела заранее знать, что ты придёшь сегодня, но ты ведь никогда не предупреждаешь меня, — немного раздражённо сетует мама и достает из духовки противень с печеньем.

Я хватаю одно и кусаю лишь бы занять рот и не отвечать. Я не хочу говорить ей истинную причину, по которой я никогда не предупреждаю её что приеду. Всякий раз, когда здешние дамы узнают, что я приеду, их дочери и внучки словно выползают из-за кустов, и я чувствую себя куском мяса, на которое ведётся охота.

Я стискиваю зубы, думая об этом. Дело не в том, что я не хочу, чтобы рядом со мной в моей жизни была женщина, просто я ещё не встретил такую. Плюс ко всему я живу в маленьком городке. Поэтому я не хочу потом сталкиваться с кем-то, с кем я встречался, но у нас ничего не вышло. Или что еще хуже, однажды я найду женщину и сделаю её своей женой, а ей придётся столкнуться с женщинами, с которыми я встречался.

Так что пока единственная женщина в моей жизни это — мама.

— Я действительно думаю, что вы со Сьюзи были бы милой парой. Даже милее младенцев, — мечтательно говорит она, повернувшись ко мне. Мама заправляет прядь своих коротких седых волос за ухо и, глядя на меня, улыбается. Я же засовываю ещё больше печенья себе в рот. Вздыхнув, она закатывает глаза и, повернувшись обратно к плите, берет яйца и разбивает их в миску. — Коул, ты никогда не приводил ко мне свою женщину для знакомства, — вздыхает вновь она.

Я проглатываю печенье, и мне становится как-то не по себе.

— Дело не в том, что я прячу от тебя женщин, Ма, — и это правда. Я не встречался ни с кем с тех пор как ушёл из армии. У меня даже не возникало такого желания. Это часть меня умерла, когда я чуть не потерял свою жизнь. К тому же теперь мне надо заботиться о порядке в городе. — У меня просто нет времени беспокоиться о ком-то ещё.

Мама подходит ко мне и кладёт руки мне на грудь.

— Я просто хочу, чтобы ты был счастлив сынок, — говорит она, смотря в мои глаза.

Я хочу успокоить её, сказав, что я счастлив, но не уверен, что это правда. Я не чувствую себя несчастным. По правде говоря, я вообще ничего не чувствую. Я онемел от собственной жизни. Когда взорвалась бомба, мне кажется, я потерял не только часть плеча, но и что-то ещё пропало во мне и как я не стараюсь, не могу найти, чтобы это не было.

— Ма, я в порядке, — говорю я ей, пытаюсь успокоить. — Тебе не нужно беспокоиться обо мне. Больше не надо. — Добавляю я, потому что знаю, что когда я был зачислен в армию, всё что она делала, так это беспокоилась обо мне. Я думаю, что отнял у неё десять лет жизни, когда ей позвонили и сообщили, что я без сознания и меня готовят к операции. Поэтому после того как я пошел на поправку в больнице, то не стал бороться за то, чтобы вернуться на службу, а ушёл в отставку и вернулся домой.

— Салли, — я слышу, как от входной двери доносится мужской голос, я знаю, что это Джордж. Мама отходит от меня, чтобы поприветствовать его. Маленькая улыбка расцветает на её лице, но она сразу старается замаскировать её.

— Привет Джордж, — говорит она так, как будто немного раздражена. — Ты пришёл позавтракать? — спрашивает она и, взяв несколько тарелок, раскладывает их на столе, который уже заполнен разными вкусами.

— Я пришел за твоей компанией, — подмигивает ей он.

Он подходит ко мне, протягивая руку для приветствия. Я качаю головой и пожимаю его руку. Эти двое танцуют вокруг друг друга уже несколько месяцев. Я точно знаю, что он нравится моей маме, но проблема в том, что Джордж нравится и другим женщинам. Хотя я никогда не видел, чтобы Джордж обращал на них внимание. Он всегда смотрит только на маму. Может мне нужно поговорить с ним, чтобы он был посмелее? Но только, что я в этом понимаю, когда у самого не налажена личная жизнь.

— Ох, любишь же ты пофлиртовать Джордж, — мама легонько бьёт его ладонью по руке и Джордж, схватив её, целует в ладонь.

— Только с тобой, — парирует он, и они замирают на мгновение, смотря друг другу в глаза. У меня такое чувство, что я вижу сейчас то, что совсем не должен.

— Доброе утро! — раздаётся голос от двери. Спасибо Господи, думаю я про себя. Мне совсем не хочется видеть, что будет дальше между мамой и Джорджем. Но моё облегчение ненадолго, когда я вижу, что в комнату входит Бетти.

— Коул! — кричит она, когда замечает меня. Мама пытается выволить руку из нежной хватки Джорджа, и он с большой неохотой отпускает её.

— Я так надеялась тебя увидеть, — продолжает Бетти. — Моя внучка дала мне свой номер телефона. — И она начинает копаться в своей сумочке, наверное, ища листок с номером телефона.

Чёрт! Мне не нравится такое де*ьмо. Я, конечно, не буду обижать Бетти и возьму номер телефона, но никогда не позвоню по нему.

Я улыбаюсь Бетти стараясь быть дружелюбным, и тут моя рация оживает. Сняв её с пояса, я тут же отвечаю.

— Бэннон на связи, — говорю я Ашеру.

— Был получен звонок из банка. Они думают, что кто-то вламывается и устраивает ночлежку в доме на углу 4-й и Шайн.

— Это тот дом, который был у кого-то изъят и перешел в собственность банка?

— Да, я могу послать Сэма проверить дом, если ты занят.

Я обвожу взглядом комнату и вижу ещё двух маминых подруг. Все они пялятся на меня и единственный, кто на меня не смотрит так это Джордж и то только потому, что он слишком занят, поедая взглядом мою маму.

— Я понял. Проверю сам, — говорю я ему и, отключившись, закрепляю рацию на поясе.

— Ты же ещё даже не поел! — возмущается мама, когда я подхожу к ней и целую её в щеку. Она кладет печенье и пару кусочков бекона в бумажное полотенце и, завернув, передаёт мне.

— По крайней мере, один раз пропустишь еду в закусочной, — ворчит она, и я снова целую её в щеку.

— Спасибо, Ма, — шепчу я ей на ушко и поворачиваюсь к двери. — Леди, — киваю я, прощаясь с тремя пожилыми женщинами у двери. Бетти протягивает мне лист бумаги, и я беру его, желая быть вежливым, а не чтобы использовать его по назначению.

— Я позвоню тебе позже, Ма. — Бросаю я через плечо и, закрыв за собой дверь, спешу к патрульной машине. Подойдя к машине, я массирую больное плечо и кладу листок с номером в карман, не желая выкидывать его на парковке. Тут же я чувствую другой листок, который положил в карман раньше. Я вытаскиваю его и несколько секунд изучаю. Я подношу его к носу, желая, как бы странно это ни звучало, почувствовать запах написавшего это, но запаха нет.

Я качаю головой от своего глупого желания и, устроившись в патрульной машине, выезжаю к пересечению 4-й и Шайн.

Глава 2

Кэтрин

Я прячу руки в рукава куртки, пытаюсь их согреть, пока иду в школу.

Сегодня гораздо холоднее, чем обычно, но может быть это всё из-за ветра. У меня такое чувство, что он пронизывает меня насквозь, и я клянусь, что чувствую запах снега, повисший в воздухе. Должно быть, он скоро пойдет. От этого мои глаза наполняются слезами.

Я не знаю, как я буду выживать дальше без теплой зимней одежды... ну и вообще тепла если на то пошло.

Хотя я уже зашла так далеко. Больше двух лет я выживаю самостоятельно. Совсем скоро выпускной, но всё вокруг меня рушится.

Я укутываюсь в куртку сильнее, стараясь как можно лучше оградить себя от пронизывающего ветра, но моя куртка видела лучшие времена, а у меня нет денег, чтобы купить себе что-то другое. У меня вообще почти не осталось денег. У меня осталось всего восемьдесят долларов, и я берегу их как зеницу ока. С тех пор как перестала приходить пенсия моего отца, жить стало совсем туго. Мне ещё повезло, что я получала её так долго.

Мой отец исчез больше двух лет назад, не сказав ни слова, но чеки продолжали приходить в банк, так что я продолжала оплачивать счета и кое-как сводить концы с концами, пытаюсь сохранить крышу над головой и немного еды для себя. Я боялась найти работу в городе, потому что люди сразу начну задавать вопросы, а ведь я старалась как можно дольше оставаться невидимой и не привлекать к себе внимания.

Потом чеки перестали приходить. Я не знаю, почему и не могу позвонить и спросить об этом. На самом деле я уверена, уже то, что я их использовала, и то противозаконно. К тому же я должна была заявить о пропаже отца. Сначала я думала, что он может быть у какой-нибудь своей подружки, но несколько дней спустя, когда он не вернулся домой, я стала больше беспокоиться, но никому не говорила.

Потом я испугалась, что слишком долго ждала и не сообщала его пропаже. Боялась, что меня вновь заберут и передадут в какую-нибудь приёмную семью, поэтому и продолжала молчать, притворяясь, что у нас всё в порядке, только папа не появляется нигде, потому что у него постельный режим из-за его больного колена.

Теперь же когда чеки перестали приходить, я потеряла всё. Дом был изъят банком за неуплату на прошлой неделе. Но я всё ещё пробираюсь и сплю в своей комнате, выживая как могу без воды и тепла, но мне больше некуда идти. Мне срочно нужно найти работу и быстро. Может быть, где-нибудь я смогу работать и жить в подсобке.

По крайней мере, теперь, когда мне исполнилось 18, мне не нужно беспокоиться о том, что меня определят в какую-нибудь семью или детский дом. Я просто хочу окончить школу и, получив аттестат о среднем образовании, возможно, найти достойную работу, когда я уеду из этого города.

Я пошевелила пальцами ног, пытаюсь почувствовать их. Чёрт я почти их не чувствую. Мне надо быстрее добраться до школы иначе я просто до смерти замерзну по дороге.

Ускорив шаг, несколько минут спустя, я наконец-то добралась до школы. Глубоко вздохнув, я открыла дверь, и тёплый воздух окутал меня. Не смотря по сторонам, стараясь быть незаметной и игнорируя смех и подколы в мою сторону, я быстро прошла к своему шкафчику.

— Что, Кошка, проглотила свой язык? — слышу я, как хихикает Дженни, довольная тем, что придумала для меня такое прозвище.

— Не слушай их, — говорит Рен, прислонившись к моему шкафчику. Я удивлённо смотрю на него, пока снимаю куртку и вешаю её в свой шкафчик. Чего он хочет от меня? Он никогда со мной раньше не разговаривал и не смеялся надо мной. Честно говоря, я думала, что он даже не знает о моём существовании. — Дженни такая стерва, — продолжает он достаточно громко, чтобы услышали все. От его слов у меня перехватило дыхание.

— Пошёл ты, Рен, — кричит на него Дженни. Напряжение нарастает у меня в животе. Я не хочу быть частью того что происходит. Я продолжаю смотреть на Рена и он, улыбаясь, подходит ко мне, возвышаясь надо мной и сканируя меня своими тёмными глазами.

Каждая девчонка в школе влюблена в Рена, и мне интересно, почему он вдруг обратил внимание на меня. От этого мне становится неловко и я, быстро закрыв шкафчик, поднимаю рюкзак с пола и ничего ему не отвечая, бегу к своему классу.

Он бежит вслед за мной. Я вспоминаю, что у нас с ним занятия вместе, поэтому смысла бежать нет. Я перехожу на быстрый шаг, но Рен догнав меня, старается идти рядом со мной нога в ногу.

— Не хочешь поздороваться? — спрашивает он. Я бросаю на него взгляд. — Я знаю, что ты можешь говорить. Слышал, как ты говоришь с учителями.

Я застенчиво улыбаюсь ему, не потому что так хочу, а в надежде, что он оставит меня в покое, и я снова могу стать невидимой.

Я проскальзываю в класс и направляюсь к своему обычному месту за последний стол в комнате. Рен идет вслед за мной, но Бен, как Ои всегда, уже сидит рядом со мной. Он такой же тихий, как и я. Я сажусь рядом с Беном, Рен смотрит на него, словно приказывая ему уйти, но Бен игнорирует его и остаётся на месте. Чтобы не рассмеяться я прикусываю внутреннюю часть щеки. Чёрт мне надо как то объяснить Рену, что он самоуверенный придурок и мне не нравится то, что он пытается подобраться ко мне.

Вздохнув, я вытаскиваю книгу и очки из рюкзака. Надев очки, я зарываюсь лицом в книгу, пытаюсь отрешиться от всего до начала занятий. Я напоминаю себе, что у меня осталось всего несколько месяцев до окончания старшей школы и мне больше не придется иметь дело ни с Дженни, ни с Реном, ни с кем-либо другим.

Если конечно я смогу продержаться так долго.

Глава 3

Коул

Я подъезжаю к старому дому, который явно давно видел лучшие времена. Снаружи чисто, но дом нуждается в ремонте. Я вижу припаркованный на подъездной дорожке черный Мерседес и в нём Эрику из банка. Я припарковываюсь позади неё и выхожу из патрульной машины. Она тоже выскакивает из своей машины.

— Коул, — мурлычет она, и я борюсь с собой, чтобы не закатить глаза. Эта женская черта досталась мне от мамы.

— Мисс Стил, — киваю я ей и закрываю дверь машины.

— Я надеялась, что именно ты и приедешь, — продолжает она и идёт ко мне, цокая каблуками по бетонной дорожке.

Я посмотрел на её сапоги с высокими каблуками, думая, что они не совсем практичны в такую погоду. Надвигается снежная буря, и на дорогах уже образовался тонкий слой льда.

— В чем проблема? — спрашиваю я, желая перейти прямо к делу. На улице чертовски холодно, и у меня на столе скопилась куча бумажной работы, до которой мне нужно добраться. Кроме того, эта ночь может стать долгой, если буря разразится раньше, и люди не будут держаться подальше от дорог.

— Кто-то продолжает вламываться в дом, — подходя ко мне, сообщает она и показывает рукой на заднюю дверь дома. Я киваю и иду к двери. Эрика идёт следом за мной.

— Подожди здесь. Они всё ещё могут быть сейчас внутри, — говорю я ей.

— Я не думаю, что взломщик действительно сделал что-то, кроме как взломал замок, — останавливается она.

— Так ты заходила внутрь? — спрашиваю я, но Эрика молчит. Я же просто качаю головой и, толкнув заднюю дверь, вхожу в дом. Я держу руку на пистолете, когда делаю обход по дому. Большинство комнат в плачевном состоянии. Дыры в стенах и старая полуразрушенная мебель, но вот кухня безупречно чистая. Чище, чем должна быть, учитывая, что дом лишился хозяина. Я иду по коридору, распахивая двери. Комнаты все выглядят одинаково, но когда я добираюсь до последней двери и открываю её, то на мгновение замираю.

Комната безупречно чистая, и совершенно ясно, что это комната девушки. Стены покрашены в светло-фиолетовый цвет, а кровать застелена цветочным одеялом. Я открываю ящики и вижу, что вся одежда убрана, сложена на своих местах. Так же в комнате нигде нет ни пылинки. Здесь явно кто-то живет. Это совершенно очевидно. Я сжимаю руки в кулаки, когда мысль о том, что молодая девушка, вынуждена жить здесь без воды и тепла обрушивается на меня.

Записка о краже хлеба и арахисового масла мысленно всплывает у меня в голове, и я, выйдя из комнаты, иду на кухню. На кухне я открываю холодильник. Свет в нём не включается — электричество в доме явно тоже отключено, но я все равно вижу внутри буханку хлеба и банку арахисового масла. Выругавшись, я хлопаю дверью холодильника.

— Мы собираемся сегодня заколотить досками окна и двери в доме. Никто не сможет попасть внутрь, — раздаётся голос Эрики из-за моей спины.

Мое сердце «подпрыгивает» в груди. Чёрт, кто бы ни был тот, кто проникал в дом, сегодня он не сможет это сделать. А значит, может остаться на улице в такую непогоду. Что же мне делать? Я не могу запретить банку запереть свою собственность. А это значит, что мне срочно нужно узнать, кто здесь жил. Если это какая-то молодая девушка, то она может попасть в снежную ловушку на улице сегодня ночью и замёрзнуть до смерти.

— Кого вы лишили права выкупа на дом? — спрашиваю я Эрику, желая получить как можно больше информации.

— Файл у меня в машине. Может быть, мы могли бы пойти на обед, ну а после... — Эрика замолкает и протягивает руку, чтобы коснуться моей груди. Я отступаю назад.

Она призывно облизывает губы и делает ещё один шаг ко мне, прежде чем упасть передо мной на колени. Я на мгновение замираю от шока, удивленный тем, что блистательная и ухоженная Эрика когда-нибудь встанет на колени. Особенно на грязном полу.

Я хватаю её и поднимаю на ноги. Она спотыкается на своих нелепых каблуках, и я сдерживаю себя, чтобы не выругаться.

— Мне действительно нужно вернуться к своим делам в участке, — говорю я, пресекая её явные намерения насчёт меня. — Мне просто нужно имя, чтобы выяснить, кто вламывается в дом.

Эрика поджимает губы, и у меня такое чувство, что ей всё равно, кто вламывался в дом. Если честно, то я думаю, что она специально позвонила в участок чтобы заманить меня сюда. Иначе, зачем дочери владельца банка быть здесь, если она сама этого не хочет. Тот, кто вламывается, не причиняет никакого вреда и у меня такое чувство, что дыры в стенах были там ещё до того, как дом был закрыт.

— Имя, Эрика, — настаиваю я. Она демонстративно поворачивается на каблуках и шагает вниз по подъездной дорожке к своей машине. Открыв дверь, она достаёт папку с заднего сидения и начинает её открывать. Я же хватаю её за руку, чтобы остановить. Эрика начинает что-то говорить, но я улыбаюсь ей, и она останавливается. Её щеки становятся розовыми, и она прочесывает пальцами свои прямые длинные каштановые волосы.

Я, игнорируя её, открываю файл.

Марк Янг, написано в нём имя предыдущего владельца дома. Много лет он исправно делал платежи вовремя и полностью, пока они не прекратились месяц назад. Я закрываю папку и возвращаю её Эрике.

— Благодарю, — киваю я ей и бегу к своей машине, желая поскорее вернуться в участок и проверить всё, что у нас есть на Марка Янга. Я слышу, как Эрика кричит мне «я позову тебя, если что...», но игнорирую её.

Имя Марк Янг крутится в моей голове и мне кажется, что я слышал его раньше, только пока не могу понять где. И это сводит меня с ума всю дорогу до участка.

Когда я, наконец, вхожу в участок, то вижу за столом Пэм. Её темные волосы убраны в высокий хвост, и она закручивает его кончик на палец. Она всегда так делает, когда просматривает что-то на мониторе компьютера, ну или когда рядом Ашер. Я бросаю ключи на стол.

— Пэм, отправь ребят надеть цепи на мои шины, — отдаю я приказ.

— И на мои тоже, — говорит Ашер, выходя из-за угла и выуживая ключи из кармана. Глаза Пэм загораются, когда она его видит. Она садится немного прямее. Эти двое ходят вокруг друг друга уже долгие месяцы.

— Сегодня вечером я буду на дежурстве. Ты делал это в прошлый раз, — продолжает Ашер, переключаясь с Пэм на меня.

Я думаю об этом мгновение. Обычно я люблю быть на дежурстве, когда бушует буря, но в этот раз я думаю, пусть дежурит Ашер. Мой разум сейчас совсем в другом месте. Я хочу найти ту, которую считаю бездомной девушкой. Я беспокоюсь, что она может остаться в непогоду на улице. Может, мне надо присмотреть за домом сегодня вечером? Хороший вариант. Она может попытаться вернуться туда, не зная, что банк собирался заколотить все окна и двери.

— Хорошо, — соглашаюсь я, и Пэм протягивает мне лист бумаги. В нём сводка прогноза погоды. Я оказался прав. Буря начнётся раньше, чем сообщалось прошлой ночью. — Нужно закрыть школы на час раньше. Город должен быть закрыт к шести тридцати. Сообщи всем об этом. Я хочу, чтобы улицы сегодня были пусты.

— Есть, босс, — щебечет Пэм, поднимая телефон, чтобы начать обзванивать.

Я передаю сводку Ашеру, чтобы он посмотрел.

— Чёрт, — бормочет он.

— Следи за языком, — предупреждаю я его, и киваю в сторону Пэм, которая закатывает глаза.

— У неё пятеро братьев. Я думаю, она слышала слова и покреп...

Я жестом приказываю ему замолчать, и он замолкает, подняв руки в знак поражения.

— Я пока буду в своём кабинете, — говорю я им и оставляю их в приёмной.

Запустив свой компьютер, я вытаскиваю записку из кармана. Вместе с ней я достал и номер телефона, который дала мне Бетти. Не глядя на него, я выкидываю его в мусорку. Всё моё внимание сосредоточено на записке, и я смотрю на неё, пока мой компьютер загружается. Проведя по буквам пальцем, я вздыхаю и убираю записку в свой кошелек. Почему-то я хочу держать её рядом с собой.

Когда мой компьютер, наконец, загружается, я ищу имя Марк Янг. На мониторе появляется несколько человек с именем Янг, но я нахожу то, что мне нужно по указанному рядом с именем домашнему адресу.

В открывшемся досье указан последний известный адрес – Шайн Стрит. Его возраст. Написано, что ему пятьдесят пять, но на фотографии он выглядит гораздо старше. В досье также сказано, что он женат, но детей в списке нет. И есть информация, что он бывший военный.

Я продолжаю прокручивать информацию дальше, и отчеты об арестах Янга появляются один за другим. Все аресты в основном начинаются с того, что он слишком много выпивает, а потом ввязывается в драку. Также есть несколько арестов по незаконному проникновению после того, как ему сказали уйти.

На мой взгляд, в отчетах недостаточно информации и это напоминает мне, почему меня так быстро избрали шерифом. Мой предшественник делал свою работу спустя рукава и город был слишком счастлив, когда избавился от него. Мне даже не пришлось никого агитировать, когда я баллотировался на эту должность. Город доверился мне единогласно. Я всегда был известен как золотой мальчик города. Тем более после всех тех медалей, которыми я был награждён, служа в рейнджерах.

Подумав немного, я встал со стула, чтобы пройти в приёмную. Пэм должна знать о Марке Янге гораздо больше, чем есть в досье. Вот она-то мне сейчас всё и расскажет.

Пэм щелкает на своем компьютере. Я же прислонился к стене, и она, перестав печатать, посмотрела на меня.

— Шериф? — прячет она за ухо выбившийся из причёски локон волос.

— Марк Янг, — просто говорю я.

Она качает головой, и грустная улыбка появляется на её губах.

— Ты не слышал этого имени или парень опять что-то натворил? Я думала, Том запретил ему кататься пьяным и приходить в бар.

Я не отвечаю на её вопрос, а задаю свой.

— Когда ты видела его в последний раз?

Брови Пэм нахмурились и она задумалась.

— Боже мой, прошло уже много времени с тех пор. Но... я видела его дочь в магазине несколько раз. Я слышала что-то о том, будто он болеет и не выходит из дома. Говорили, что у него отказали ноги.

— Дочь? — переспрашиваю я. Мой разум застревает только на одном слове. Я так и понял по той спальне, что у него должна быть дочь, но вопрос в том, где они сами? Потому что чутье подсказывает мне, что девушка все ещё живёт в этом доме. Живёт в своей спальне.

— Да, она такая хорошенькая. Выглядит точно как её мама.

Я чувствую облегчение при упоминании о матери. Может быть, девушка с ней?

— В его досье сказано, что он женат, но я ничего не нашёл на его жену.

— С большой вероятностью и не найдёте. Она исчезла около десяти лет назад. Просто испарилась. Думаю, ей надоели проделки Марка. И всё же, я не могу понять, как мать смогла оставить свою маленькую девочку с таким отцом? С отцом, который сам о себе не мог позаботиться.

— Сколько лет дочери? — спрашиваю я.

Пэм на секунду задумывается.

— Мне кажется, ей уже есть восемнадцать. Я уверена, что она выпускница старшей школы. Иногда вижу, как она идет в школу. Время от времени я замечая её в продуктовом, покупающей продукты, но на этом всё. Она очень тихая и застенчивая девочка. Всё держит в себе. Чёрт возьми, она почти всегда ходит с опущенной головой и старается спрятаться за своими красивыми волосами... будто... будто бы хочет, чтобы её не видели.

Мне становится легче дышать, зная, что ей восемнадцать. Я не хочу звонить в социальную службу, чтобы они забрали девушку.

— В его досье длинный список арестов. Как он смог сохранить опеку над дочерью? — спрашиваю я. Странно, что в череде постоянных приводов в полицию у Марка Янга не забрали дочь.

Пэм пожимает плечами.

— Не знаю. Однажды её забирала социальная служба, и девочки не было с отцом больше месяца. Тогда Марк взял себя в руки и смог вернуть её. Но всё это длилось недолго. Вскоре он вновь принялся за старое, но служба опеки так и не смогла её поймать. Девочка пряталась от них и через некоторое время они вроде как сдались, и ну вы знаете, каким был шериф Фрэнк, — Пэм закатывает глаза, когда произносит его имя. Да, я знаю, каким ленивым был этот засранец. Я провожу рукой по волосам, пытаюсь понять всё это.

— Кэтрин была единственной, кто действительно мог взять своего отца под контроль. Она часто приходила в бар, чтобы он успокоился и ушёл. Даже шериф иногда звонил ей, чтобы она забрала его, хотя девочке в то время было всего лишь тринадцать, — продолжает Пэм и с отвращением качает головой. — Это было так неправильно, но как я уже говорила, она была единственной, кто мог его успокоить.

Я проглатываю ругательства, которые так и вертятся на кончике языка.

— Кэтрин Янг, я понимаю, так её зовут?

Пэм кивает.

— С ними что-то случилось? Марк и Кэтрин в порядке? Чёрт, мне жаль, что я не думала о них так долго.

— Я пока не уверен, но если ты увидишь девушку, сразу позвони мне, — говорю я ей. Пэм снова кивает, смотря на меня.

Может, мне нужно пойти в школу и увидеться с ней? Я смотрю на часы и понимаю, что школу уже закрыли. Чёрт!

Пэм полезла в свой ящик и достала мои ключи.

— Цепи уже нацепили, — вручает она мне ключи, и я кладу их в свой карман.

— Думаю, я тоже останусь здесь на ночь. Мало ли что может случиться. Буду принимать звонки, — смущенно бормочет она.

Я приподнимаю бровь, потому что Ашер вполне сможет справиться с этим сам, если понадобится. Пэм краснеет и отводит от меня взгляд.

— Хорошо, — соглашаюсь я. Может быть, эти двое преодолеют смущение и наконец-то станут парой, перестав «танцевать» друг перед другом.

— О! — Пэм тянется к листу бумаги и протягивает его мне. — Чуть не забыла. Звонила миссис Лемон.

Я не могу сдержаться и вздыхаю.

— Она сказала, что не может найти Пушистика и беспокоится, что кот до смерти замёрзнет в бурю, если его не найдут.

Миссис Лемон звонит, по крайней мере, три раза в неделю. Люди стараются пройти мимо её дома слишком быстро, чтобы она их не заметила. Даже машины припарковывают на улице так, чтобы она не

видела. В большинстве случаев, когда я приезжаю к ней на вызов, она отмахивается от любой причины, по которой звонила, а затем заставляет меня делать какую-то подручную работу вокруг её дома. Мне в принципе всё равно. Но сегодня другой случай. У меня нет времени на одинокую старушку.

— Она звонила уже пять раз.

Я опять глубоко вздыхаю. Я знаю, что она будет звонить, пока я не приеду. Это обязательно должен быть я, другому человеку она просто не откроет дверь. Я снова смотрю на часы.

— Я ухожу. Да... и я не вернусь сегодня вечером, если конечно ты не вызовешь меня за чем-нибудь, — говорю я Пэм. Мне нужно съездить к миссис Лемон, а потом проехать по округе, чтобы убедиться, что все закрываются. Может, мне повезет, и я наткнусь на Кэтрин. Я не могу смириться с мыслью, что этой девушке некуда идти. Может быть, мое чутьё меня подводит, и она останется у какой-нибудь своей подруги? Хотя не думаю, что смогу дожидаться, когда откроется школа, чтобы поговорить с ней. По какой-то причине мне нужно знать, что она в порядке. Что-то глубоко внутри царапает меня и не даёт покоя. Какая то потребность, которую я никогда не чувствовал раньше требует от меня убедиться что девушка в порядке и этой ночью будет в тепле.

Глава 4

Кэтрин

Я сижу в спортзале и жду, пока все уберутся из женской раздевалки. В животе у меня скрутился узел от страха, что школу сегодня рано закрывают из-за надвигающейся снежной бури. Библиотека тоже закрывается. Весь город словно по команде спешил укрыться от надвигающейся непогоды. Мне остаётся только молиться, чтобы буря не продлилась долго, ведь дома у меня остались только половинка буханки хлеба и банка арахисового масла. Мне надо будет продержаться на этом, пока город снова не откроется. Я просто никак не успею добраться до магазина, пока они не закрылись. Не говоря уже о том, что на улице жуткий холод и мне не стоит даже пробовать по пути домой зайти в него. Чёрт, я даже не знаю, как я дойду домой.

Я замечаю, как из раздевалки выходит последняя девушка, и быстро проскальзываю внутрь. Оглядываюсь по сторонам, убеждаясь, что все ушли. Никого. Очень хорошо. Я быстро достаю из своего рюкзака шампунь и мыло, раздеваюсь и захожу в душ.

Я пользуюсь школьным душем с тех пор, как отключили воду. До сих пор меня не поймали. У меня не было сегодня занятий в спортзале, так что нет и причины быть здесь. Поэтому я умываюсь как можно быстрее. Мне очень грустно, что я не могу задержаться под теплой водой немного подольше. Я почти успела закончить, когда за моей спиной раздалось хихиканье. Я поворачиваюсь и вижу трех девушек, уставившихся на меня и ехидно посмеивающихся.

Чёрт! Я знаю, кто они. Это самые популярные девочки школы, но с очень плохим характером. Я съёживаюсь от их взглядов, выключаю воду, хватаю полотенце, быстро прохожу мимо них к рюкзаку и поспешно одеваюсь.

— Дайте-ка угадаю. Твой пьяница-отец не смог оплатить счет за воду? — смеётся Дженни. Другие девочки подхватывают её и заливаются от смеха. — Так вот почему Рен болтался с тобой весь день. Решил пожалеть бедную девушку... а заодно и пристроиться между ног.

— Может быть, ему нравятся, что она всё время молчит, — добавляет Бет.

Я прикусываю щёку изнутри и, натянув кроссовки, завязываю их. Я хочу выбраться отсюда как можно скорей. Конечно, мне бы не помешало подождать, чтобы мои волосы высохли, но я не могу. Чёрт, и надо же мне было так нелепо влипнуть в эту ситуацию. Мне надо было сразу идти домой, как только объявили о закрытии школы, а я распереживалась, что могу долго застрять дома, не принимая душ.

Воспользовавшись полотенцем, чтобы хоть немного высушить волосы, я вытасила шапку из рюкзака. Спрятав мокрые волосы под ней, я беспокоюсь, как же я дойду до дома с влажными волосами.

— Интересно, тренер Сноу знает, что ты пользуешься душем? — подхватывает Ким.

Я не могу, да и не хочу ей отвечать. Вместо этого я надеваю куртку, беру рюкзак и иду на выход. Только эти стервы преграждают мне путь к двери. Мое сердце начинает колотиться. Я неконфликтный человек. Я никогда ни с кем не ругалась, да и драться не умею. На самом деле, большую часть своей жизни я провела, пытаясь успокоить собственного отца, когда он становился совершенно не управляемым.

— Девочки, — раздался голос. Мы все посмотрели в сторону двери и увидели тренера Сноу. — Вы должны вернуться домой. Школа закрывается через десять минут.

— Тренер Сноу, а Кэтрин ... — я проскочила мимо Бет, не желая слышать, как она заканчивает говорить тренеру Сноу, что я пользовалась школьным душем. Мои щёки уже горят от смущения. Бет вскрикивает, как будто я причинила ей боль, но я едва прикоснулась к ней. Не останавливаясь, я покидаю раздевалку, стараясь как можно быстрее оказаться в нескольких кварталах от школы.

Я останавливаюсь лишь на мгновение, наклоняюсь, пытаюсь перевести дыхание. Мой нос горит, и я чувствую, как слёзы грозятся вырваться на свободу, но я отталкиваю их. Чёрт, как же я не хочу встречаться с тренером Сноу лицом к лицу, когда вернусь в школу, и она потребует от меня ответа, почему я пользуюсь школьным душем. Я стараюсь прогнать эти мысли. Мне есть сейчас о чем побеспокоиться. А именно — я забыла наполнить свои две бутылки водой перед тем, как ушла из школы. Стон вырывается из моей груди. Как же я смогу совсем без воды? Может, мне удастся набрать снега и он растает?

Ещё раз вздохнув, я вновь начинаю идти. Мои пальцы на руках и ногах уже онемели от холода. Мне надо было надеть ещё одни носки, но кроссовки уже были малы мне и я просто бы в них не влезла. Я засунула руки в куртку и набрала скорость. Чёрт, как же хочется поскорее убраться подальше от резкого пронизывающего насквозь ветра, да и снег уже начал падать.

Каждый шаг даётся мне все тяжелее и тяжелее, и я почти кричу от облегчения, когда вижу свой дом. Когда же я наконец подхожу к нему, волосы на моих руках встают дыбом от того что я вижу.

Окна и двери в доме заколочены досками. Я мчусь к задней двери, но она тоже заколочена.

Я тянусь к доскам, пытаюсь просунуть между ними пальцы, чтобы попробовать сорвать одну из них. Я тяну изо всех сил и слышу тихий скрип, но доска не сдвигается.

Пальцы онемели, но я всё равно пытаюсь тянуть. Слезы начинают течь по моему лицу. Я делаю ещё один сильный рывок, и, поскользнувшись, падаю на землю. От сильного удара воздух покидает мои легкие, и у меня уже нет сил, чтобы подняться.

Глава 5

Коул

Я успеваю постучать только один раз в дверь миссис Лемон, прежде чем она открывает её. Старушка стоит на пороге, держа Пушистика в руках и с недовольным взглядом на лице. Её губы плотно сжаты и она явно раздражена.

— Он же мог умереть, пока ты так долго добирался сюда! — ворчит она и прижимает кота ближе к себе. Кот пытается вырваться на свободу, но это явно бесполезно.

— Простите за задержку, мэм. На дорогах гололёд и мне пришлось несколько раз остановиться, чтобы вытащить несколько человек застрявших в кювете. Не хочу, чтобы кто-то из жителей нашего города замерз до смерти в своих машинах, — улыбаюсь я ей, говоря это.

— Ну, тогда я полагаю, что ты не захочешь, чтобы кто-то из пожилых граждан города упал, — и она взглядом показывает мне на мешок с солью, стоящий у неё на крыльце. У меня такое чувство, что Пушистик и не терялся вовсе. А просто его хозяйка хотела, чтобы я приехал и посыпал ей дорожку солью.

— Конечно, не хочу, мэм, — улыбаюсь я. Когда только я вступил в должность и стал получать звонки от миссис Лемон, я был раздражен. Она требовала именно меня, и я не мог отказаться от вызова и отправить к ней одного из своих ребят. Они и так достаточно долго раньше «играли в игры старушки». Пришла моя очередь. Сначала я подумывал о том, чтобы не делать этого, но потом сдался.

Миссис Лемон осталась одна. Прошло много лет с тех пор, как умер её муж. У них не было детей, и я понял, что ей было одиноко, и иногда ей просто нужен был кто-то, чтобы помочь ей немного по хозяйству. Поэтому я не оформлял её вызовы как ложные, а просто помогал ей. Так что обычно я был бы не против посыпать ей дорожку, но сегодня у меня на уме другое... одинокая молодая девушка.

Я поднимаю мешок соли без единого слова и быстро приступаю к работе на её подъездной дорожке. Это занимает у меня всего несколько минут. Потом я бросаю мешок обратно на крыльцо. Дверь в доме снова открывается и на пороге появляется миссис Лемон, держа в руках уже не кота, а маленькую банку с кофе.

— Спасибо, шериф, — протягивает она мне банку с кофе.

— Всё для вас, миссис Лемон. Надеюсь, у вас есть всё необходимое на несколько дней? Город будет закрыт.

— Я обойдусь без проблем.

Я киваю ей, и быстро шагаю по дорожке к патрульной машине, молясь, чтобы у неё не нашлось больше других причин задержать меня. Я проехал через весь город, чтобы попасть к ней и теперь мне надо проехать обратно, чтобы добраться до дома Марка Янга.

На главной улице всё чисто, пока я еду. Это очень хорошо. Я достаю рацию и связываюсь с участком. Я доволен отчётом, что в городе всё хорошо и снегоуборочные машины уже дважды успели просыпать дороги солью.

Когда я, наконец, добираюсь до дома, уже темно и снег успел засыпать подъездную дорожку. Я смотрю на освещённую фарами входную дверь, и ругательства срываются у меня с языка, когда я вижу, что дверь заколочена досками. Окна тоже заколочены.

Какое-то странное чувство выталкивает меня из машины, и я бегу к задней двери дома. Весь воздух выходит из моих легких, когда я вижу молодую девушку, лежащую на земле которую уже почти полностью замело снегом. Я бросаюсь к ней на помощь и руками убираю с неё снег, затем поднимаю её на руки. Я вздыхаю от облегчения, когда она обхватывает меня руками, уткнувшись лицом мне в шею. Электрический разряд проходит сквозь меня, когда я прижимаю девушку к себе. Чёрт возьми, что это значит?

Стараясь не думать об этом, я мчусь обратно к патрульной машине и открываю пассажирскую дверь. Мне приходится несколько секунд бороться с собой, чтобы отнять девушку от своей груди. Я НЕ ХОЧУ ЕЁ ОТПУСКАТЬ! Её маленькое хрупкое тельце идеально подходит мне, но мне нужно срочно её согреть.

— Милая... Ты должна меня отпустить. Мне нужно тебя согреть.

— Только не в больницу, — тихо шепчет она мне на ухо. Её голос такой мягкий и сладкий, что заставляет все волоски на моём теле встать дыбом.

Я совсем не планировал, куда её отвезти, если вдруг она окажется на улице, но и больница не вариант. Она находится в двадцати пяти минутах езды от её дома и это при хорошей погоде.

— Хорошо. Я не отвезу тебя в больницу. Я... я... заберу тебя домой и согрею, — говорю я ей, желая успокоить, но она всё же не отпускает меня. — Пожалуйста, детка, — срываются слова с моих губ. Я понятия не имею, почему я её так называю, но мне кажется это правильно. Как будто я должен именно так её называть.

Она наконец-то отпускает меня, и я пристегиваю её ремнём безопасности. Я поворачиваю струю горячего воздуха из печки в её сторону и она, почувствовав тепло, откидывается головой на подголовник сидения. Вот теперь я могу чётко рассмотреть её лицо. Кожа девушки молочная, щёчки красные, длинные ресницы трепещут, а розовые пухлые губки... так и манят меня. Девушка похожа на фарфоровую куклу, и я никогда в жизни не видел ничего столь прекрасного. От её красоты у меня захватывает дух.

Я заставляю себя отвернуться от девушки и, закрыв дверь с её стороны бегу к водительской. Запрыгнув в машину, я включаю обогрев на полную мощность. Её рука выскальзывает из куртки, и я вижу, что на ней нет перчаток. Выругавшись про себя, я беру её руки в свои и вижу, что кожа на пальцах содрана и кровоточит. Чёрт, она, наверное, пыталась оторвать доски на двери.

Девушка вздрагивает от моего ругательства, но её глаза не открываются. Я хочу надрать себе задницу. Я никогда не ругаюсь перед женщинами. Никогда. Мои манеры никогда не позволяют мне сделать это, но сейчас я на грани. Обычно я спокоен и собран, но сейчас рядом с ней я совсем не такой.

Не в силах бороться с собой я наклоняюсь и целую её прямо рядом с ухом.

— Прости, детка, — шепчу я ей и вижу, как её тело расслабляется. Я заставляю себя оторваться от девушки и, заведя мотор, на полном ходу мчусь к своему дому.

Мой дом не далеко от города, но построен на хорошем участке. Деревья окружают дом, создавая мне уединение от посторонних глаз. Я и хотел, насколько это возможно, быть немного изолированным от всех, но в тоже время я могу быстро добраться до города, если мне будет нужно.

Кэтрин не двигается и не издает ни звука во время всей поездки, но зато я слышу, как неистово колотится сердце у меня в груди. Страх сковывает меня за неё и ещё что-то такое, чего я пока не могу объяснить. Наконец добравшись до дома, я выпрыгиваю из машины и бегу к двери, чтобы открыть её.

Потом возвращаюсь за девушкой и, отстегнув ремень безопасности, беру её на руки. Я пинаю ногой дверь машины, закрывая её, и быстро вхожу в дом. Иду в гостиную и, уложив девушку на диван, укрываю её одеялом. Затем разжигаю камин и включаю термостат на полную мощность.

Достав ещё несколько одеял из шкафа, я бросаю их и подушки на пол перед камином и сооружаю импровизированную постель.

Если я отнесу на неё девушку, то она быстрее согреется. Но только перед этим я должен снять с девушки мокрую одежду. Чёрт, мои руки впервые в жизни начинают дрожать. Они не дрожали даже

тогда, когда на меня безоружного был направлен ствол пистолета. Ну а сейчас как только я подумал снять с неё мокрую одежду, они чертовски трясутся.

Глубоко вздохнув, я подошёл к девушке и стал снимать с неё изрядно потрепанные кроссовки. «Мне нужно обязательно купить ей зимние сапоги, чтобы её ножки всегда были сухими и в тепле» — проносится у меня в голове. Я снимаю с неё носки и вижу, что её маленькие пальчики покраснели от холода. Я обхватываю их руками и начинаю потихоньку массировать, пытаюсь согреть их. Господи, я никогда не мог подумать, что женские пальчики на ногах могут быть такими чертовски милыми! Через несколько минут я приношу свои тёплые шерстяные носки и надеваю их ей на ноги.

Потом тянусь к молнии на её джинсах. Мне хватает секунды, чтобы расстегнуть её и приспустить джинсы до бедёр девушки. И вот тут-то я и замираю... на девушке нет нижнего белья. Я стараюсь не смотреть ей между ног, но проигрываю эту битву, когда вижу лёгкий пушок темных волос на её холмике. Мой член мгновенно становится по стойке смирно и я, проклиная себя, всё же полностью снимаю с неё джинсы и отбрасываю их в сторону.

Двигаясь вверх по её телу, я снимаю с неё куртку. Шапка сама спадает с головы девушки, пока я снимаю с неё куртку, и красивые черные волосы рассыпаются по подушке. Запах клубники заполняет воздух, и мой член как безумный дергается в штанах, пока я смотрю на темноволосого ангела.

У меня никогда не было такой реакции на женщину. Чёрт, она даже ещё не женщина. Она — девушка. Молоденькая беспомощная девушка, которую пожирает мой охваченный похотью взгляд. Я пытаюсь задвинуть непристойные мысли о ней в сторону, но... безуспешно. С тех пор как я нашёл её и спас, всё во мне кричит, что теперь она принадлежит мне. Я могу оставить её здесь. Она будет принадлежать мне и только мне.

Я качаю головой, пытаюсь вырваться от одурманивающих меня мыслей, и продолжаю раздевать её. Снимаю с неё рубашку и вновь ругаюсь про себя, когда вижу, что на ней нет ещё и гребаного лифчика. Грудь у девушки такая маленькая. Даже моя ладонь, наверное, больше неё. Крошечные розовые соски твёрдые как камешки и мой рот заполняется слюной. Я бы с удовольствием мог согреть их своим ртом.

Вздохнув, я всё же заставляю себя встать и снимаю с себя одежду, оставив только лишь боксеры. Я ложусь рядом с ней, притягиваю её к себе, чтобы подарить ей тепло своего тела и укрываю нас обоих одеялом. Холодная кожа девушки не помогает мне избавиться от похоти, бегущей по моим венам, как раскалённая лава.

Она же прижимается ко мне, уткнувшись лицом мне в шею, и закидывает ногу мне на бедро. Лёгкая дрожь, сотрясающая её тело, медленно покидает её от жара моего тела.

Чёрт, сегодня будет долгая ночь и самая сладкая попытка в моей жизни.

Глава 6

Кэтрин

Я укутана теплом. Невероятный комфорт, который я никогда не испытывала прежде покалывает всё моё тело сотнями иголок. Я медленно открываю глаза и вижу, что лежу рядом с мужчиной. И не просто с мужчиной, а с самым великолепным мужчиной на земле.

Господи, этого не может быть, чтобы шериф Бэннон лежал рядом со мной.

Наверное, он тот, кто спас меня. И ещё... именно этого человека я избегала как чумы. Теперь же прижалась к нему и... не хочу отпускать. Мне слишком хорошо рядом с ним. Я чувствую себя в безопасности в этот момент и не хочу, чтобы это закончилось.

Я закрыла глаза и вздохнула. Я влюбилась в Коула Бэннона, когда он вернулся в город. Я не помню его, когда он учился в школе, потому что разница между нами была десять лет. К тому времени, когда я стала достаточно взрослой, чтобы начать обращать внимание на мальчиков, он уже ушёл в армию, но я часто слышала, как горожане говорили о нём.

Золотой мальчик города.

Горожане даже устроили парад в его честь, когда он вернулся, и вскоре после этого он занял пост шерифа. Тогда это чертовски напугало меня.

Его предшественник не обращал на меня особого внимания, но у меня было такое чувство, что Бэннон не будет таким же. Он строго следовал правилам и был довольно прямолинейным. По крайней мере, я это о нём слышала.

Знаете, вы способны услышать многое, когда сами молчите. Через какое-то время люди и вовсе перестают вас замечать. Вы становитесь невидимкой. Точно как я. Я смогла не заметно скользнуть под

людским радаром, и никто не догадывался, что я, шестнадцатилетняя девочка, живу одна и краду чеки отца, чтобы свести концы с концами. Именно так мне удалось незамеченной прожить два года.

Я тихонько вздохнула ещё раз, и тёплый мускусный запах шерифа заполнил мои лёгкие. Он пахнет мужчиной, и я хочу быть ещё ближе к нему. Всё ещё держа глаза закрытыми, я прижимаюсь к нему ещё сильнее и понимаю, что моя нога лежит на его бедре. Когда же моя грудь касается волос на его груди, я окончательно просыпаюсь, понимая, что абсолютно голая.

Бэннон ворчит сквозь сон и его рука по собственнически ложится мне на бедро. Пальцы грубо впиваются в кожу и слово «чёрт» срывается с его губ. Я же затаив дыхание держу глаза закрытыми и притворяюсь, что сплю. Несколько минут спустя я немного ерзаю и чувствую, как его твёрдое мужское достоинство упирается мне между ног. Жар охватывает меня, и я ёрзаю немного сильнее.

Господи, не могу поверить, что делаю это. Может, это всё, потому что частичка меня думает, что этого просто не может быть. Я ни за что не могу оказаться голой рядом с шерифом Коулом. Это не возможно.

Может быть, я умерла в снежную бурю и попала в рай? Это слишком хорошо, чтобы быть правдой, и я хочу запомнить этот момент.

Я снова ёрзаю, желая, чтобы эта сладкая волна вновь прокатилась по моему телу.

— Кэтрин, детка. Ты меня просто убиваешь, — раздаётся ворчание шерифа.

Мое дыхание замирает, когда он меня так называет. Я фрагментами вспоминаю прошедшую ночь, и мне кажется, он уже называл меня так. Может, он всех называет детками? Просто я думаю, что «детка» — это выражение нежности и любви для любовника.

Я открыла глаза и коснулась носом утренней щетины на его шее, прежде чем нежно поцеловать её. Но мне этого недостаточно. Мне нужно знать, каков он на вкус. Я снова целую его в то же место, только на этот раз позволяю себе слегка провести по нему языком и чувствую, как его член дёргается. Я стараюсь подавить рвущийся из груди стон и вдыхаю мужественный аромат его тела.

Как молнией меня пронзает мысль, что я его возбуждаю и от этого чувствую себя женщиной. Желанной женщиной. Это так невероятно и не привычно, но мне это нравится.

— Ты хочешь убить меня, — рычит он, и я сдерживаю себя, чтобы не захихикать.

Набравшись смелости, я скольжу ладонью по его груди, чувствуя приятное покалывание на кончиках пальцев от его волосков. Грудь у шерифа такая твердая и я, осмелев, скольжу, не останавливаясь, пока не натыкаюсь на грубые рубцы шрамов. Я хочу отдернуть руку, но не успеваю. Шериф молниеносно переворачивает меня на спину и нависает надо мной со странным выражением на лице, которого я никогда раньше не видела.

Действительно никогда! Каждый раз, когда я видела его в городе, у него на губах всегда лёгкая дружелюбная улыбка по отношению к горожанам. Я же украдкой любовалась им и спешила ускользнуть, стараясь не попадаться ему на глаза. Я не хотела привлекать его внимание, потому что Бэннон пытается узнать всех в городе. Он серьезно относится к своей работе шерифа. Интересно, арестует ли он меня, когда узнает, чем я занимаюсь?

Я смотрю в его насыщенного серого цвета глаза. Я не знала, какого цвета его глаза. Я никогда не находилась достаточно близко к нему, чтобы взглянуть. Я даже и представить себе не могла, что глаза такого цвета существуют. Взгляд шерифа словно пронизывает насквозь и мне хочется просто исчезнуть, лишь бы он не увидел, что я воровка. Да, да, настоящая воровка, хоть это и жизнь заставила меня воровать.

— Привет, — бормочу я. Это всё, что я могу сейчас сказать. Его лицо не меняется, и он до сих пор не говорит ни слова. Его взгляд всё ещё прикован ко мне. Он немного смещается, и мои ноги открываются немного больше, позволяя ему скользить ближе ко мне. Шериф закрывает глаза и на его лице появляется маска боли.

Я поднимаю руку и обнимаю его за шею, боясь, что он уйдёт. Не знаю, откуда во мне появилось столько смелости. Может быть, это потому что вся эта ситуация кажется правильной. Или, может быть, из-за того, что у меня отняли так много, что я не хочу, чтобы забрали ещё и это. Я цепляюсь за шерифа и не отпускаю.

Я, конечно, боюсь, того что он скажет или того что он может у меня спросить, но ещё больше боюсь, что оттолкнёт. Я просто хочу сейчас прилечь и, уснуть на нём ни о чём не думая.

Шериф открывает глаза и глубоко вдыхает, как будто сдерживает себя.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает он. Его голос груб, но мне нравится, и я краснею ещё больше.

— Я голая, — смущенно бормочу я.

— Да, извини за это. Мне нужно было как-то согреть тебя, а больница слишком далеко, так что я привез тебя к себе домой, — шериф замолкает, и мягко смахнув прядь волос с моего лица, нежно проводит костяшками пальцев по моей щеке. — Ты похожа на маленькую фарфоровую куклу. Твои щёки такие розовые... Тебе все ещё холодно?

Я качаю головой. Мои щёки розовые не от холода. На самом деле, мне сейчас очень даже тепло. Я не знаю, то ли это из-за тепла его тела или из-за чувств, которые проносятся сквозь меня в этот момент. Я никогда не чувствовала себя так раньше.

— Голодна? — спрашивает он меня и при упоминании о еде у меня урчит живот. Я так давно не ела нормально.

Бэннон улыбается, а я от смущения закрываю глаза. Моя нагота, наша близость, моя нога на его бедре... Господи, да он смеётся надо мной!

— Как насчет того, чтобы тебе принять хороший горячий душ, а я пока приготовлю нам что-нибудь поесть?

Я киваю головой в знак согласия.

— Открой глаза, детка. Мне нравится в них смотреть.

Я делаю так, как он приказывает. Что-то внутри меня хочет угодить ему.

— Со мной ты в безопасности. Я же шериф, — говорит он.

— Я знаю, кто вы такой, шериф Бэннон.

— Коул, — поправляет он. — Зови меня Коул, милая.

— Хорошо, Коул, — соглашаюсь я.

— Откуда ты меня знаешь, я мог видеть тебя раньше? — спрашивает он.

— Думаю, нет. Но ведь все знают, кто вы такой, шериф, — его взгляд меняется.

— Коул, — исправляюсь я.

— Я тоже думаю, что не смог бы забыть нашу встречу. Твои глаза... — он пристально смотрит в них. Мои глаза тёмно-зеленые, как у моего отца. На свету они меняются на более мягкий зелёный, но я знаю, что сейчас они тёмные. Я прикусываю губу, не зная, что сказать, а Коул продолжает. — Как же я тебя раньше не видел?

— Я всегда старалась, чтобы вы этого не сделали, — наконец признаюсь я, прекрасно понимая, что так просто он не отстанет от меня. — Так что, у меня сейчас неприятности?

— Нет, — огрызается он. — Если кто и попал в беду, так это я, — тихо бормочет он последние слова.

Я открываю рот, чтобы спросить, что он имеет в виду, но он быстро встаёт и, подняв меня, ставит на ноги. Ноги совсем меня не держат, и я начинаю оседать на пол. Коул ловит меня, прежде чем я могу растянуться на полу и я крепко обнимаю его за шею, испугавшись, что упаду. И ещё боюсь... что больше никогда не смогу быть так близко к этому мужчине. Боюсь потерять всё, что он заставляет меня чувствовать.

Коул притягивает меня к себе и немного приподнимает. Инстинктивно я обхватываю его ногами за талию. Мне трудно сомкнуть вокруг него ноги, и он скользит одной ладонью мне под задницу, чтобы удержать на месте. Я чувствую, как он нежно сжимает её, напоминая мне ещё раз, что я голая. От смущения я снова прячу лицо ему в шею.

— Я помогу тебе в душе, — говорит он мне, прежде чем поцеловать в макушку.

Затем он несёт меня по коридору и вносит в комнату с гигантской кроватью в центре. Комната красиво обставлена, с двумя тумбочками и комодом с телевизором, установленным над ним. Все чисто, но просто. Никакого яркого цвета. Всё выдержано в тонах чёрного, коричневого и белого.

Коул проходит в ванную и я, ожидая, что он отпустит меня, цепляюсь за него ещё крепче в молчаливой мольбе не делать этого. Я не знаю, почему я так привязалась к нему, но одно я знаю точно, что не хочу его отпускать. Я просто не могу.

— Я держу тебя, — успокаивает он меня. Я слышу, как Коул включает воду и вместе со мной входит под струи воды. Теплая вода ласкает мою спину, и я облегченно вздыхаю.

— Опустит ноги, — командует он.

Я медленно делаю, как он мне говорит и, сняв носки, которые он надел на меня, скатываюсь по его телу, пока ноги не касаются пола душа. Коул держит меня за талию одной рукой, а другой тянется за бутылочкой геля для душа.

— Держись за меня, — опять командует он и, отпустив меня, берёт мочалку. Быстро наносит на мочалку несколько капель геля и, оставив бутылочку в сторону, вновь придерживая меня за талию, начинает тереть меня мочалкой. Я закрываю глаза и отдаюсь наслаждению его заботы обо мне. Коул нежно начинает массировать мочалкой мои плечи, потом медленно спускается вниз. Мочалка скользит по

моим соскам, делая их твердыми как камешки, и я слышу, как он стонет и бормочет мое имя. Я хочу открыть глаза, но не могу. Я слишком застенчива и немного растеряна, чтобы заставить себя сделать это.

Я слышу, как мочалка падает на пол, и на её месте по мне скользит его рука.

— Скажи, чтобы я остановился, — рычит он.

— Хм, — это все, что я могу сейчас произнести. Мне нравится чувствовать его руки на себе. Я не могу вспомнить, когда в последний раз кто-то даже прикасался ко мне, не говоря уже о том, чтобы держать меня так близко. Конечно же, я никогда не скажу ему остановиться. Если бы я только смогла говорить прямо сейчас, я бы, вероятно, попросила от него больше.

Я толкаюсь в его руку, молча поощряя его. Коул скользит рукой по моему животу и у меня перехватывает дыхание, когда он начинает скользить между ног. Всё мое тело охватывает огнём, и оно пульсирует от нужды, которую я не знаю, как удовлетворить. Я покачиваюсь против него и издаю отчаянный крик.

— Я держу тебя. Я знаю, что тебе нужно, и позабочусь об этом.

Позаботится обо мне – и моё сердце начинает неистово колотиться от его слов.

— Обещаешь? — выдыхаю я.

— Обещаю, — искренне отвечает он.

Я, наконец, открываю глаза, встречаясь с ним взглядом, и ахаю, когда его палец скользит по моему клитору. Коул улучив момент, склоняется ко мне и обрушивается на меня голодным страстным поцелуем.

Его язык проскальзывает мне в рот и я, растаяв, позволяю ему брать то, что он хочет. Коул посасывает мой язык и нежно покусывает губы.

— Поцелуй меня в ответ, детка. Покажи мне, что ты тоже этого хочешь, — рычит он у моих губ, прежде чем взять их в сладкий плен снова. Я размыкаю губы для него, и когда его язык вновь оказывается у меня во рту, скольжу ему навстречу своим языком.

Все мысли покидают мой разум, и я тону под натиском его губ и проворных пальцев, которые всё быстрее двигаются между моих ног. Я цепляюсь за него и немного извиваюсь бёдрами. Ненавижу, что он до сих пор в трусах. Я хочу, чтобы мы были полностью голые. Один на один. Я хочу почувствовать каждую его частичку, когда исчезну.

Удовольствие во мне нарастает и я, разорвав наш поцелуй, немного отклоняю голову назад. Коул лёгкими поцелуями прокладывает дорожку от моих губ к шее и начинает её нежно покусывать, продолжая работать пальцами, приближая меня все ближе и ближе к освобождению.

— Коул, — со стоном выдыхаю я.

— Давай, детка, — моё тело дергается, и я выкрикиваю его имя. Дрожь бьёт меня и ноги становятся совсем слабыми, когда самое интенсивное удовольствие омывает меня. Левая рука Коула удерживает меня от падения, а правая продолжает ласкать клитор, продлевая моё удовольствие.

Медленно он поворачивает меня к себе спиной и начинает мыть мне волосы. Мы оба ведем себя тихо. Стон вновь соскальзывает с моих губ, когда он массирует мне голову, вспенивая шампунь. Он смывает его и наносит кондиционер. Чувство заботы окутывает меня, и я хочу плакать.

Минуту спустя Коул отключает воду и обматывает меня полотенцем. Я поворачиваюсь к нему лицом и смотрю в его красивые глаза. Его лицо нечитабельно, и я начинаю беспокоиться. Коул же поднимает меня на руки и несёт к огромной кровати, где откинув покрывало, кладет меня, прежде чем укрыть.

— Я приготовлю тебе что-нибудь поесть, — отворачивается он от меня и идет к комоду. Я, молча, наблюдаю, как он снимает мокрые боксеры, бросая их в корзину, прежде чем вытащить фланелевые пижамные штаны и надеть их. Я проклинаю их за то, что они закрывают мне вид на его твердую задницу, которую я видела только мгновение. Он поворачивается, чтобы посмотреть на меня. Мой взгляд устремляется на шрам над его плечом, и он бормочет что-то, чего я не слышу. Коул замолкает и входит в гардеробную. Минуту спустя он возвращается, но уже в чёрной рубашке, которая скрывает его шрамы.

Я хочу кое-что сказать, но, ни одно слово не желает покидать мой рот. Я привыкла к такому. Обычно меня это не беспокоит, но сейчас совсем наоборот. Я хочу кое-что сказать. Я хочу знать, о чём он думает.

— Яйца с беконом подойдут? Это всё, что я могу приготовить, не спалив при этом дом дотла, — пожимает он плечами и его лицо всё так же ничего не выражает.

Я просто киваю ему головой. Коул секунду смотрит на меня и, вздохнув, быстро покидает спальню. Когда он исчезает, пустота, к которой я давно уже привыкла, поселяется внутри меня. Одиночество, которое незаметно для меня исчезло с тех пор, как я проснулась в доме Коула, наваливается на меня.

Я встаю с кровати и использую полотенце, чтобы высушить волосы. Потом иду к шкафу, чтобы найти рубашку, которую смогу носить. Я нахожу серую рубашку с надписью «армия» и надеваю её. Она настолько длинная, что как хорошее платье доходит почти до колен.

Нарядившись, я выхожу из комнаты и иду по коридору в поисках кухни. Я слышу голос Коула и останавливаюсь в гостиной, понимая, что он разговаривает по телефону.

— Эй, Лорен, я только что получил твое сообщение, — наступила долгая пауза. — Да, я могу это проверить. Разве это не нормально, что некоторые девочки принимают душ в школе?

У меня скручивает живот от его слов, и я знаю, что проклятая реальность всё же просочилась в мой маленький тесный мирок. Я смотрю в окно и вижу, что снег прекратился. Небо все ещё серое, сейчас раннее утро. Я не хочу говорить Коулу о том, что произошло в школе или признаваться во всём, что я делала. Я знаю, он сказал, что у меня нет проблем, но не думаю, что он знает всё, что я сделала.

Я не хочу, чтобы он смотрел на меня по-другому. Он заставил меня почувствовать себя желанной. Но теперь мне надо исчезнуть. Мне нужно выбраться отсюда, но я понятия не имею, куда я пойду. Может, мне стоит пойти в церковь? Там тепло и несколько часов я смогу побыть там.

Я начинаю искать джинсы в гостиной. Вижу свою куртку, рюкзак и шапку, но ничего больше.

— Давай я тебе перезвоню, — послышалось у меня за спиной. Я поворачиваюсь, и натыкаюсь на ледяной взгляд Коула.

— Где мои вещи? — выпаливаю я.

— Зачем они тебе понадобились? — спрашивает он, делая шаг мне навстречу. Я отступаю назад.

— Мне нужно идти, — говорю я ему, приподнимая подбородок, чтобы придать силу своим словам.

— Чёрт! — кричит он, заставляя меня подпрыгнуть от неожиданности, и проводит рукой по своим растрёпанным волосам. Свет от люстры в гостиной падает на него и Коул выглядит ещё больше и свирепее. Наверное, он выше меня гораздо больше чем на фут.

Совершенно ясно, что он не перестает тренироваться с тех пор, как ушёл в отставку. Всё его тело сплошные твёрдые мышцы. Коул продолжает смотреть на меня своим смертоносным взглядом, стиснув при этом зубы. Обычной лёгкой улыбки, которую я видела у него в городе – нет и в помине. Интересно, это он так разозлился из-за телефонного звонка? Или узнал, кто я есть на самом деле?

У меня нет времени искать на всё ответы и я, развернувшись, бегу по коридору. В моих глазах собрались слёзы, нос горит. Я хочу быстрее добраться до спальни и запереться в ней, чтобы взять себя под контроль.

Но... Коул ловит меня и прижимает к стене.

Его большие руки запирают меня, словно в клетку. Он тяжело дышит и прислоняется лбом к моему.

— Прости меня. Я не должен был прикасаться к тебе. Ты была уязвима, а я воспользовался этим. Я не знаю, что на меня нашло. Я, кажется, становлюсь сам не свой рядом с тобой, — рычит он, совершенно не понимая, из-за чего я расстроена.

Глава 7

Коул

Отойдя немного от Кэтрин, я нежно касаюсь пальцами её щеки. Я не хочу испугать её своим размером, ведь она такая маленькая по сравнению со мной. Ей обязательно нужно поесть, и я хочу быть тем, кто накормит её и позаботится о ней.

«Теперь она принадлежит тебе», — шепчет мне внутренний голос.

Но как только эта мысль возникает в голове, мной овладевает глубокая тоска. Я просто хочу, чтобы это было правдой. Я чувствую, что должен защищать её.

Я знаю, что повел себя неправильно в душе. Не знаю, что на меня нашло, но меня одолела такая тяга прикоснуться к ней, что я не смог ей сопротивляться. Честно говоря, рядом с Кэтрин я снова чувствую себя живым. Как будто я был в оцепенении, а она вернула меня к жизни.

Странное, но очень сильное чувство царапает меня изнутри. Такого я никогда не испытывал раньше. Я безумно хочу, чтобы Кэтрин было хорошо. Я хочу, чтобы она пристрастилась ко мне и ко всему, что могу для неё сделать. Я хочу, чтобы она никогда не захотела уйти от меня и из этого дома.

Когда мы были в душе, я увидел в её глазах потребность и захотел ей угодить.

Но когда уложил её на кровать, чувство вины накрыло меня с головой. Мне стало до боли невыносимо, что я воспользовался ситуацией с этой маленькой невинной девочкой. Поглощенный виной за то, что сделал, я не сразу чувствую, как руки Кэтрин касаются моей груди. Её пальцы впиваются в мою рубашку, но на этот раз я хочу, чтобы на мне её не было. Я хочу, чтобы на мне не было этих уродливых шрамов. Я хочу, чтобы её руки прикасались к моей голой коже. Я хочу чувствовать её тепло.

Когда Кэтрин сказала, что ей нужно идти, я чуть полностью не потерял контроль. А это плохо. Если бы только меня сейчас могли видеть мои армейские друзья и ребята с полицейского участка! Они никогда не видели меня таким. Моё второе имя было «Мистер Контроль». Теперь же, когда дело дошло до Кэтрин, его у меня нет. Она уничтожила его ровно в ту минуту, когда я увидел её лежащей в снегу. Именно в тот момент я понял, что моя жизнь вот-вот бесповоротно изменится.

— Я хочу тебя, — шепчет Кэтрин.

Она приподнимает голову, и я смотрю ей в глаза. Таких прекрасных глаз я никогда не видел. Они самого яркого насыщенного зелёного цвета, который я действительно никогда не встречал. Её глаза создают сильный контраст с её густыми длинными черными волосами и фарфоровой кожей.

— Ты хорошо подумала? — спрашиваю я.

— Да, — признается она. Я вижу, как на щеках Кэтрин расцветает румянец, и мой член «плачет» в штанах. Мне чертовски тяжело. Даже после того, как я кончил, как подросток в душе, пока Кэтрин рассыпалась в моих руках от дикого оргазма. К счастью для меня, вода скрыла следы моего преступления. Но мне всё равно очень неловко от того что я кончил действительно как подросток, впервые смотрящий порнуху.

Честно говоря, у меня не было никакого интереса к сексу с тех пор, как осколки бомбы изуродовала меня. Я даже не помогал себе рукой в минуты утреннего стояка. Я просто принимал холодный душ и мне этого хватало. К тому же всё моё время было заполнено разгребанием бардака, который оставил после себя последний шериф, и заботой о маме. Но всё это сейчас меркнет рядом с Кэтрин. Я больше не хочу и не могу себя сдерживать.

— Ты ещё так молода, — шепчу я ей. Ей едва исполнилось восемнадцать. У неё перед глазами целый мир. Я же уже повидал его. Он совсем не так хорош, как кажется, и в нём живут монстры, поджидающие в темноте.

«Ты нужен ей», — шепчет мне внутренний голос.

Он шепчет и шепчет мне, и я... сдаюсь. Кэтрин уже видела слишком много жестокости. Она такая маленькая и невинная. Я же могу оградить её от всего этого. Позаботиться о ней.

— Ты больше не хочешь меня? — смущенно шепчет она, и я вижу уязвимость, написанную на её лице.

— Нет, детка. Очень хочу. Больше, чем следующий вдох, — признаюсь я, желая стереть растерянность и боль с её милого личика. Я не хочу, чтобы она сомневалась в том, что нужна мне. Я хочу, чтобы она знала, что я всегда буду рядом, когда ей что-то понадобится. Она никогда больше не окажется замерзающей в снегу, и ей всегда будет куда прийти.

— Даже после того, что рассказала тебе тренер Сноу? Ведь разговор был обо м...

Я рычу, пресекая её слова, Кэтрин изумлённо смотрит на меня. Я хочу сказать ей, чтобы она не переживала за инцидент с тренером Сноу. Я обязательно поговорю с директором школы о ней в самом ближайшем будущем. Я знаю, что она использовала мою Кэтрин только как повод позвонить мне. Не прошло и двух минут нашего разговора, как она стала приглашать меня на грёбаное свидание. Тренер Сноу с самого начала не должна была звонить мне. Она должна была сообщить о проблеме директору, а он уже в свою очередь связался бы со мной, если бы понадобилось.

К тому же мне не нравится, что кто-то использует мою Кэтрин. Это выводит меня из себя. Я разозлился, когда разговаривал со Сноу, и, наверное, моя девочка испугалась моего выражения лица, когда вошла в гостиную во время этого разговора. А я не хочу, чтобы она меня боялась. Я хочу, чтобы она бежала ко мне, а не от меня.

— Тренер Сноу только дала мне понять, что тебе нужен кто-то, кто присмотрит за тобой. Чтобы кто-то позаботился о тебе. Так вот я и собираюсь стать этим человеком. Я хочу тебя, Кэтрин. Я хочу тебя больше, чем когда-либо кого-нибудь хотел.

— Ты даже не знаешь меня, — шепчет она, не веря моим словам.

— Я чувствую это. Если я чему и научился в жизни, так это доверять своей интуиции. Именно это чувство привело меня к тебе вчера. Я знал, что ты собираешься вернуться в свой дом. Знал, что окна и двери собираются заколотить. Я собирался приехать и убедиться, что с тобой всё в порядке. Я был одержим этим весь день.

Рот Кэтрин приоткрывается от удивления.

— Я тоже это чувствую. Когда ты меня подобрал, я не испугалась. Я почувствовала себя в безопасности. Потом, когда проснулась в твоих руках, это чувство стало ещё глубже, — признается она, и я улыбаюсь ей.

Боже, она такая чертовски красивая. Потрясающая неземная красота смешивается в ней со сладкой невинностью. Как же я могу не хотеть её?

Руки Кэтрин скользят по моей груди и смыкаются на шее.

— Поцелуй меня еще раз, — шепчет она и немного отклоняет голову, предлагая мне свои губы. Мой взгляд устремляется к ним, вспоминая сладость её поцелуя, когда мы были в душе. Когда весь мой контроль испарился.

— Я думаю, не должен делать этого прямо сейчас, — честно говорю ей я. Я хожу по лезвию бритвы после того, как она сказала мне, что должна уйти. Я думаю... Нет, я уверен, что если поцелую её сейчас, то уже не остановлюсь, пока не похороню себя глубоко внутри неё. Клеймя её первобытным способом, древним как мир. Помечая её изнутри и снаружи.

Кэтрин сжимает губы и отворачивается от меня.

— Детка, — умоляю я, поглаживая пальцем её мягкую щечку. — Дело не в том, что я не хочу тебя поцеловать. Я хочу этого больше всего на свете. Я просто не думаю, что смогу контролировать себя, если сделаю это. Я едва сдержался в душе.

— Что, если я хочу, чтобы ты потерял контроль? — говорит она и вновь смотрит на меня. Она прикусывает нижнюю губу и спустя секунду продолжает. — Я действительно хочу этого. Я люблю, когда ты прикасаешься ко мне. Я люблю то, что ты заставляешь меня чувствовать. Но... Я хочу большего.

От её слов я рычу как раненый зверь.

— Пожалуйста, — добавляет она, и я... сдаюсь.

Я поднимаю её на руки и смотрю прямо в глаза.

— Ты не должна умолять меня ни о чем, Кэтрин. Я не врал тебе, когда сказал, что позабочусь о тебе. Это значит, я сделаю всё, что ты захочешь. Ты хочешь этого. Я отдам тебе себя без вопросов.

Я начинаю идти по коридору к спальне, но не выдерживаю и начинаю целовать Кэтрин. Когда её язык касается моего, это словно вернуться домой. Мир и покой воцаряется у меня на душе. Я не чувствовал этого с тех пор, как стал рейнджером. Всё вокруг замирает и остается только лишь Кэтрин.

Быстро добравшись до спальни, я открываю дверь ногой и кладу на кровать свою девочку, тем самым разорвав наш поцелуй. У нас у обоих перехватывает дыхание.

— Отпусти меня на мгновение, детка, — она убирает руки с моей шеи и я, встав рядом с кроватью, смотрю на неё.

Её черные волосы разметались по подушке, а губы припухли от моего поцелуя. Кэтрин немного прикрыла глаза, но я всё равно вижу, как они наполнены похотью. Она выглядит как ожившая мечта, да ещё и моя рубашка на ней как своеобразное клеймо, что она принадлежит мне.

Всё мое тело гудит от первобытной потребности, и я глубоко вдыхаю, пытаюсь взять себя в руки. Я хочу сделать наш первый раз незабываемым, а не просто устроиться ей между ног как какое-то животное и грубо трахать пока не найду своё освобождение. Нет, я хочу, чтобы всё было идеально для неё. Я хочу заставить её тело жаждать моего. Я хочу смыть все воспоминания, которые у неё могли быть о прошлом парне или любовнике.

Всё во мне сжимается от мысли, что её коснулся другой. Я знаю, что это глупо, но ничего не могу с этим сделать. Я хочу найти любого, кто когда-либо прикасался к ней и разорвать их на куски. Меня не волнует, что я поклялся защищать. Ещё вчера, проснувшись утром, я не думал, что в целом мире найдется кто-то, кто способен перевернуть его.

Кэтрин тянется ко мне, и я падаю на неё. Моё огромное тело накрывает её, и я снова беру в сладкий плен её губы. Она начинает ёрзать подо мной, и я злюсь на то, что не успел раздеться, прежде чем оказался на ней.

Разорвав наш поцелуй, я быстро снимаю рубашку через голову и отбрасываю её. Кэтрин же недовольно хныкает, что нам пришлось разлучиться на мгновение и, прильнув ко мне, сама начинает меня целовать.

Её руки скользят по всему моему телу, и я клянусь, впервые в жизни начинаю дрожать. Стараясь обуздать дрожь, я впиваюсь руками в её густые волосы и углубляю наш поцелуй.

Кэтрин ещё сильнее ёрзает подо мной, и я чувствую, как её потребность во мне становится для неё почти невыносимой. Она тихо стонет, и этот звук сводит меня с ума. Мой член пульсирует и капли семени начинают просачиваться с головки.

Я разрываю поцелуй, зная, что её нужно как можно быстрее освободить, ведь я не хочу мучить её маленькое тело нуждой. Я хочу дать ей то, чего она жаждет. Я нежно целую уголки её губ, потом шею и, добравшись до рубашки, скрывающей её от меня, тянусь к ней и разрываю её по центру.

— О боже! — задыхается Кэтрин.

Я улыбаюсь и продолжаю двигаться вниз, прокладывая дорожку из поцелуев прямо к груди. Потом беру один из её жестких маленьких сосков в рот и с упоением начинаю сосать и покусывать его, пока она ёрзает подо мной. Немного наигравшись с одним соском, я перехожу к другому, уделяя ему столько же внимания.

Пальцы Кэтрин скользят по моим волосам, и это простое прикосновение заставляет меня замурлыкать как кот у её соска. Я отпускаю его и продолжаю двигаться вниз по её телу. Её ноги уже широко разведены для меня, но всё равно мои широкие плечи не помещаются.

Я раздвигаю её бедра ещё шире и впиваюсь взглядом в самую великолепною киску, которую когда-либо видел. Я облизываю губы, а Кэтрин немного приподнимает бедра. Я же приподнимаю голову, и наши взгляды соединяются. Рот моей красавицы немного приоткрыт, и она дышит так же тяжело, как и я.

— Коул, — стонет она. — Я... Я ...

Не отрывая от неё взгляда, я провожу языком по её розовым нижним губкам и останавливаюсь прямо на клиторе. Её голова откидывается назад, она падает обратно на подушку. Отпустив бедра, я раздвигаю её пухлые половые губки, желая добраться до клитора. Я пытаюсь засунуть в неё палец, но она такая тугая, что я могу проскользнуть туда только мизинцем.

Меня сводит с ума горько-сладкое чувство, когда её теснота обвивается вокруг моего мизинца. Она такая маленькая и тугая, что я не думаю, что смогу войти в неё. Но сейчас мне всё равно. Я бы с удовольствием поедал бы её киску до конца своих дней и был доволен.

Я всасываю её клитор в рот, кружась языком вокруг него, одновременно двигая мизинцем в и из неё. Киска Кэтрин сжимается вокруг меня, и её тело бьёт дрожь. Я чувствую, как её ноги начинают дрожать, и она кричит мое имя. Сладкий нектар заливает её, и я с жадностью пью его, не останавливаясь. Тело Кэтрин расслабляется на мгновение, и у меня получается проскользнуть в неё двумя пальцами.

— О боже, Коул, — выдыхает она.

Чёрт, мне нравится, как она стонет мое имя. Я чувствую, как больше спермы вытекает из члена, и отступаю от Кэтрин на мгновение, но все еще продолжаю двигать пальцами в ней. Я пытаюсь держать себя под контролем, и делаю глубокий вдох, но это не помогает.

Сладкий и невинный запах Кэтрин окружает меня и я, обезумев, с удвоенной силой работаю пальцами. Я чувствую, что она на грани оргазма и вновь хочу испытать её сладкий нектар.

Я быстро нахожу эту особую точку внутри неё и нежно потираю.

— Коул, — стонет Кэтрин, и её тело натягивается как струна.

— Давай, детка. Возьми то, что я даю тебе. Поверь, я поймаю тебя, — она немного расслабляется от моих слов.

— Я доверяю тебе, — слышу я её шёпот, и эти слова наполняют мою грудь теплом. Я сильнее надавливаю на её клитор и продолжаю двигать пальцами. Её ноги снова дрожат. На этот раз сильнее и секунду спустя Кэтрин пронзительно выкрикивает моё имя, распадаясь под натиском оргазма. Её киска сжимает мои пальцы, словно в тиски. Я же продолжаю сосать её клитор, желая продлить оргазм и успевая поглотить каждую каплю божественного нектара Кэтрин.

Вскоре её тело расслабляется и я, поцеловав клитор, облизываю губы. Недолго думая, снимаю штаны. Потом целую Кэтрин в губы. Глаза моей девочки закрыты, но как только я врываюсь языком в её сладкий ротик, она медленно открывает их. Я хочу, чтобы она попробовала свою собственную страсть на вкус.

— Хм, — стонет она и лениво целует меня в ответ.

Но я вдруг задаю ей вопрос, который задержался в глубине моего разума, как только я скользнул пальцем внутрь неё.

— Ты что, девственница? — выпаливаю я.

Её глаза широко распахиваются от моего вопроса, и она вновь прикусывает губу. Я немного двигаю бедрами, касаясь членом её клитора. Кэтрин дёргается, и я понимаю, что она все еще чувствительна от двух оргазмов, которые я ей подарил.

Отпустив губу, она облизывает её, прежде чем, наконец, кивнуть мне в ответ. Я смотрю на неё сверху вниз, и водоворот эмоций проходит сквозь меня. Мне, конечно, нравится мысль, что никто и никогда не прикасался к Кэтрин, и уж точно не будет, но я боюсь проникнуть в неё членом.

Я БОЮСЬ ПРИЧИНИТЬ ЕЙ БОЛЬ!

— Мы... можем... остановиться... сейчас, если ты хочешь. Мы... не должны... делать больше, — каждое слово даётся мне с трудом.

Но, не смотря на то, что я не хочу причинить ей боль, у меня всё ещё есть первобытная потребность заклеить её во всех отношениях. Связать со мной Кэтрин самым варварским способом.

— Я хочу... Я хочу, чтобы ты был моим первым... — шепчет Кэтрин и прикасается к моей щеке ладонью.

— Первым и единственным, — поправляю я. После меня больше никого не будет. Я буду её первым и последним. — Скажи это, Кэтрин, — приказываю я.

— Первым и единственным, — улыбается она.

Тяжесть, сжимавшая мне грудь, ослабеваает. Я целую её, вкладывая в поцелуй всё, что могу и хочу ей отдать. Я хочу, чтобы она знала, как много это значит для меня.

Раздвинув коленом ноги Кэтрин, я скольжу членом, имитируя секс. Несколько секунд спустя, моя девочка начинает двигаться мне на встречу, впиваясь ноготками мне в спину.

Я задеваю головкой члена её вход и Кэтрин вздохнув, замирает. Мой взгляд прикован к её лицу, и я тоже замираю.

— Больше, — наконец выдыхает она, и я даю ей то, что она просит.

Тихий стон срывается с губ Кэтрин.

— Ты самое прекрасное, что я когда-либо видел в своей жизни, — рычу я и одним мощным толчком вонзаюсь в её лоно. Крик срывается с губ Кэтрин, и я, заглушив его поцелуем, не двигаюсь. Я просто продолжаю целовать её, позволяя телу Кэтрин привыкнуть ко мне.

Я отрываюсь от её губ и покрываю лёгкими поцелуями лицо, шею и ушко Кэтрин. Я шепчу ей, насколько она идеальна, и как долго я ждал её. Я шепчу ей, что теперь она принадлежит только мне и пока я жив, буду давать ей всё, что она когда-либо захочет.

Скользнув рукой между нами, я поглаживаю её клитор.

Тихие стоны и вздохи срываются с её губ, и она начинает подмахивать мне. Мой член уже истекает спермой внутри неё, но я держусь.

Я сделаю для неё всё, что угодно. Я чувствую это до самых костей. Она моя единственная. Впервые я благодарен бомбе, разворотившей моё плечо. Именно это отправило меня домой. Отправило меня к Кэтрин. Туда, где я и должен быть. Защищать и заботиться о ней, это самое главное в мире.

Киска Кэтрин вновь и вновь сжимается, пока я поглаживаю её клитор. Её спина выгибается, и твердые как камешки соски прижимаются к моей груди. От этого ещё больше спермы вытекает из моего члена, и он дергается внутри неё. Я стискиваю зубы, используя всю внутреннюю силу, оставшуюся во мне, чтобы не сорваться и не начать сумасшедший «забег» внутри её маленького тела.

— Прости, детка, но мне нужно двигаться, — рычу я, и Кэтрин пытается двигать своими бедрами вперёд и назад. Я немного выскальзываю из неё и снова вхожу. Полные губки Кэтрин принимают форму буквы «О».

Я сильнее надавливаю пальцем на клитор, желая приблизить её оргазм, потому что знаю, что не продержусь долго.

Чёрт, у меня несколько лет не было секса, хотя каждая женщина в городке, одинокая или нет, пыталась залезть ко мне в штаны. Я даже не мастурбировал. У меня вообще пропала тяга к сексу после возвращения домой.

И вот теперь рядом с Кэтрин всё изменилось и я готов взорваться в любую секунду. Я уверен, что мог бы провести неделю внутри неё, и даже после этого мне было бы её мало.

Я двигаюсь немного быстрее, и глаза Кэтрин закрываются.

— Смотри мне в глаза, детка. Смотри на меня, — рычу я, и она выполняет мой приказ. Взгляд Кэтрин затуманен от страсти, и это лишает меня остатков контроля.

Наклонив бедра, я попадаю в идеальное местечко внутри неё, и она стонет моё имя. Снова и снова я врываюсь в неё. Мои яйца сжимаются, и я чувствую, что могу лопнуть в любую секунду.

— Детка, пожалуйста, мне нужно, чтобы ты кончила для меня. Отдайся мне. Мне нужно почувствовать, как твоя киска стискивает мой член.

От моих слов тело Кэтрин содрогается, и она сжимает меня внутри себя. Я рычу и «выстреливаю» спермой. Её так много, что она просачивается наружу. Секунды спустя, когда я, наконец, полностью опустошаюсь, моё тело слабеет, растворяясь в Кэтрин. Я зарываюсь лицом в её шею, чувствуя, что не могу пошевелиться.

Она же нежно гладит мои волосы, а я, поцеловав её шею, смотрю на неё.

На лице Кэтрин расцвела широкая улыбка, и я теперь точно знаю, что проведу всю свою жизнь, следя за тем, чтобы эта улыбка никогда не сходила с её лица.

Глава 8

Кэтрин

— Мне нужно накормить тебя, — бормочет Коул. Я лежу у него на груди, а он играет с моими волосами. Он как будто очарован ими. Я качаю головой и крепче прижимаюсь к нему. Я голодна, но не хочу двигаться. По крайней мере, пока. — Детка, тебе нужно поесть.

— Мы так и сделаем. Просто дай мне ещё немного времени. Я пока не хочу вставать, — признаюсь я. Я люблю, когда он называет меня деткой. Каждый раз, когда он называет меня так, рой бабочек начинает порхать в моём животе. Мне нравится это чувство. Коул рычит мне в ответ, и я улыбаюсь. Не знаю почему, но когда он рычит, моё сердце сжимается. Мне нравится этот звук.

Мне кажется, что я люблю Коула. Я не совсем уверена в этом, потому что не знаю, что такое любовь, но то, что он заставляет меня чувствовать, кажется и называют любовью. А ещё я не хочу его отпускать. Слова Коула, когда мы занимались любовью, почти заставили меня плакать. Никто раньше не говорил мне таких приятных вещей.

Мои глаза вновь наполняются слезами, и слезинка скатывается по щеке на грудь Коула, когда я думаю об этом. Коул замирает.

— Детка, ты что, плачешь? — я поднимаю на него взгляд, и он резко перевернув меня, нависает надо мной. В его взгляде сквозит беспокойство.

— Ты сказал, что я красивая, — смущённо шепчу я.

— Ты гораздо больше чем красавица. Ты идеальна...

Я чувствую, как краснею.

— И этот румянец... — Коул двигается против меня, и его твердый член трется о мой клитор. Я тоже начинаю ёрзать под ним. Мне понравилось быть связанной с ним, когда мы занимались сексом. Я никогда в жизни не чувствовала себя так. Как будто мы одно целое.

Коул рычит, и неожиданно встает с кровати, поднимая меня и ставя на ноги. Он подходит к шкафу, и я разочаровано вздыхаю, когда он возвращается в джинсах. Они не застегнуты, и я скольжу взглядом по дорожке волос, исчезающих под поясом. Я не могу перестать смотреть на него. Он настоящий альфа-самец. Я никогда раньше не видела столь красивого мужчины. Даже шрам на плече делает его еще более мужественным. Как воина, который ринулся в бой и победил.

— Перестань так на меня смотреть, — рычит он, сокращая расстояние между нами. Он надевает рубашку мне на голову. Она доходит мне почти до колен. Это еще одна армейская рубашка.

— Ты получил ранение в армии? — спрашиваю я, прикасаясь к шраму на его плече. Я знаю, что он получил много наград и вернулся домой из-за ранения. Так вот я думаю, что это шрам следствие этого.

Коул вздрагивает.

— Да. Получил, когда был рейнджером.

— Извини, — бормочу я, опуская руку, но он хватает её и вновь прикладывает к шраму.

— Извини. Я не привык, чтобы люди видели или прикасались к нему, — голос Коула немного оседает. — Но ты можешь потрогать, детка. Ты можешь трогать меня, где захочешь. Мне бы, например, не понравилось, если бы я не мог касаться тебя, где мне хочется.

— Ты можешь касаться меня везде, — улыбаюсь ему я и провожу пальцами по шраму. — Ты расскажешь мне, как это случилось?

— Мы собирались штурмовать дом, и я услышал щелчок, когда один из моих парней вошел. Я схватил его, оттянул назад. Но, к сожалению, был не достаточно быстрым, — Коул глубоко вздыхает. — Бомба взорвалась. Я попытался заслонить парня собой, и осколки заделали часть моего плеча, — я прослеживаю пальцем несколько грубых следов от глубоких порезов. — Шрапнель. Осколки надо было срочно достать, но полевые врачи не всегда действуют быстро...

Коул замолкает и я, приподнявшись на цыпочки, целую его.

— Мой папа тоже пострадал в армии, получив пулю в колено. Он не был рейнджером, как ты.

— Мне очень жаль, — бормочет Коул и, запутываясь рукой в моих волосах, притягивает меня к себе. Я кладу голову ему на грудь.

— Он сам подстрелил себя, когда чистил пистолет, — признаюсь я. Коул ничего не говорит. — Он немного вбалмошный, — добавляю я.

— Я понимаю, детка.

— А твой друг выжил? — стараюсь я перевести тему подальше от моего отца. Иногда мне трудно о нём говорить. Временами он был хорошим отцом, а в другие — ужасным. Я не знаю, ненавижу ли я его или люблю и не хочу думать об этом в данный момент.

— Да, он выжил. Вскоре после этого он ушёл в отставку. У него двое детей, жена и он хотел вернуться к ним живым.

Я прекрасно понимаю это. Если бы у меня была семья, я бы не хотела делать ничего, что могло бы навредить ей. Я бы хотела защищать их и всегда быть с ними. Это то, о чём я всегда мечтала.

— Давай, детка. Я пока приготовлю нам завтрак, а ты можешь понежиться в горячей ванне. Я не хочу, чтобы ты заболела.

Я молчу, что уже немного «больна». Но это не простуда. Это восхитительно сладкая боль, которую я готова переживать вновь и вновь.

Коул тащит меня с собой на кухню. Подняв меня, устраивает на кухонный островок и целует в нос.

— Я не очень-то хорошо готовлю, но могу приготовить яйца и бекон, — говорит мне он и стреляет в меня улыбкой, прежде чем достать продукты из холодильника.

— Я умею готовить, — говорю я ему. Я болтаю ногами, пока смотрю, как он движется по кухне. Он включает плиту и подходит ко мне. Я раздвигаю ноги, чтобы он мог скользнуть между ними. Коул отклоняет мне голову назад, и я впииваюсь взглядом в его серые глаза, завораживающие меня.

— Тебе нравится готовить?

Я слегка пожимаю плечами.

— Я очень люблю готовить. Когда у меня есть продукты...

Коул стиснув зубы, смотрит на меня.

— Составь список, детка, и я достану из магазина всё, что тебе нужно. Хорошо?

— Хорошо. Тогда я с удовольствием приготовлю для тебя, — улыбаюсь я. Мне нравится мысль заботиться об этом мужчине. Мысли о том, что он вернется с работы, а я буду ждать его, витают у меня в голове. Я бы приготовила ему ужин. И его дом мог бы стать и моим.

— Отлично. Тогда составь список, и я куплю всё, что тебе нужно. Но сегодня... Сегодня я позабочусь о тебе. Договорились? — и Коул приподнимает бровь. Боже, он такой красивый и я каким-то образом смогла привлечь его внимание. Я не знаю, как и почему, но не хочу задавать вопросы или думать об этом. Я не хочу, чтобы мои сомнения заставили меня бежать подальше от него.

— Сделка.

Коул наклоняется, и нежно поцеловав меня, отстраняется.

Его слова продолжают витать в моей голове. Он говорил так, будто я никуда отсюда не уйду. Что я должна здесь остаться. Когда мы занимались любовью, он тоже говорил так, будто бы я должна остаться с ним рядом. Хотя, наверное, мужчины всегда так говорят в порыве страсти. Но мне кажется Коул не из их числа. По-моему он говорил искренне. И впервые за долгое время бремя тревог падает с моих плеч.

Теперь я точно знаю то, что я чувствую к Коулу — любовь.

Глава 9

Коул

— Чёрт, — ворчу я и стискиваю зубы. Я не могу перестать сыпать проклятиями с ней. Всю жизнь я был противником этого дерьма перед женщинами, и вот, пожалуйста, сам творю это самое дерьмо. Никакого контроля. Это она так влияет на меня, и, чёрт возьми, мне это нравится. Только она. Потому что я принадлежу ей.

— Коул, — Кэтрин откидывает голову назад, и её пальцы впиваются мне в грудь. Её волосы повсюду, пока она скачет на моём члене, её маленькие бедра движутся взад-вперед. Я цепко держу её за бедра, помогая ей двигаться. Я чувствую, что она приближается к пику. Её киска сжимает меня, пытаюсь высосать все мою сперму. За последние несколько дней я узнал, что её киска очень ненасытна.

Я проснулся, когда она опустила на мой член. Она так от него зависима. Я думал, что наш последний раунд в два часа утра лишил её сил, но явно ошибся, потому что сейчас пять тридцать, и она хочет большего. Принимать больше. Я не знаю, как её крошечное тело способно на такое, но это так.

Я смотрю на пространство между нами, и вижу, как мой член скользит внутрь и наружу её киски. Её маленький клитор сильно опух. Я скольжу одной рукой между её бедер, чтобы погладить его.

— Мне нравится это, Коул. Не останавливайся.

— Никогда, — хриплю я, не в силах говорить в этот момент. Я слишком заиклен на этой богине.

— Я собираюсь кончить, — стонет она и её голова падает вперед. Мой взгляд прикован к ней. Мне нравится смотреть на лицо Кэтрин, когда её накрывает освобождение. Её киска сжимает мой член, и я взрываюсь, сперма струится из моего члена глубоко в неё. Я не знаю, откуда у меня столько запасов спермы, но она может высасывать её из меня каждое проклятое время.

— Кэтрин, — я со стоном вжимаюсь в неё, желая убедиться, что её киска принимает каждую мою каплю, желая быть глубоко внутри неё, заклеить её.

Кэтрин впивается ногтями в мою грудь, пока её киска стискивает меня снова и снова, оргазм накрывает с головой и она не падает на меня.

Я провожу руками вверх и вниз по её спине. Ненавижу, что сегодня мне нужно идти на работу, ведь школы открыты. Я не хочу расставаться с ней, но знаю, что это жизнь, что мы должны двигаться дальше. Мне придется привыкнуть к тому, чтобы быть без неё нескольких часов подряд.

Она целует мою грудь, заставляя меня улыбнуться.

— Я не думаю, что смогу заснуть, — бормочет она мне в грудь.

— Тогда встаем. Одеваемся. Я хочу отвезти тебя кое-куда, прежде чем оставлю в школе.

— М... хорошо, — бормочет она, но не двигается. Я перекаत्याю нас, оказываясь сверху. Убрал волосы с её лица, целую. Поцелуй медленный и ленивый, как будто мы делали это каждое утро всю нашу жизнь. Это так естественно.

— Мне нечего одеть, — вздыхает она.

— Мы придумаем, как забрать одежду из твоего старого дома, — говорю я ей. Меня не волнует, должен ли я врваться в этот дом. Я достану ей всё, что она хочет. Также я собираюсь заказать ей кое-что. Ей нужны сапоги и хорошая зимняя одежда. — Подъем, — говорю я ей, вытаскивая её с кровати вместе со мной.

Она бежит в ванную, закрывая за собой дверь.

— Никакого душа, — кричу я, и слышу её хихиканье. Этот звук прошибает меня насквозь. Чёрт, не хотел бы я быть без неё сегодня.

Я направляюсь в ванную комнату по коридору и выполняю утреннюю рутину, прежде чем отправиться в сушилку и вытащить одежду Кэтрин. Возвратившись в спальню, бросаю их на кровать и начинаю надевать форму.

Кэтрин выбирается из ванной, когда я надеваю сапоги.

— Твоя одежда чистая, — говорю я ей. — Мне не нравится мысль о том, что ты собираешься в школу без бюстгальтера и трусиков, — продолжаю я. У неё их не было, когда я раздел её в наш первый день.

— О! — она выбегает из комнаты и через несколько минут возвращается с бюстгальтером и трусиками в руке.

— Забыла про них в спешке после моего побега из школьного душа, — застенчиво говорит она, напоминая мне о звонке, который мне нужно сделать в школу.

— Больше никакого школьного душа, — говорю я ей. — Ты принимаешь душ только со мной. Дома, — и Кэтрин улыбается от моих слов.

Она подходит к кровати и начинает одеваться, надевает лифчик, трусики и джинсы.

Она заходит в мою гардеробную и выходит через минуту с надетой сверху моей военной рубашкой. Берет резинку для волос и обертывает им низ рубашки, делая какую-то странную петлю, отчего рубашка становится короче, и смотрится лучше. Я хмыкаю в удовлетворении, что сегодня она идет в школу в моей рубашке, а моя сперма покрывает её киску. Это заставляет меня чувствовать себя немного лучше при мысли о расстоянии между нами.

— Мне нравится, детка, — я хватаю её бедра и притягиваю к себе, целую, а затем подталкиваю к входной двери. Она надевает носки и кроссовки, затем хватается пальто. Я благодарен, что сегодня пятница, и после сегодняшнего дня я смогу запереться с ней в моём доме на выходные. После того, как сходим за продуктами и за некоторыми вещами, в которых она нуждается.

Я снимаю с неё пальто и хватаю одно из своих, которое, как я знаю, даст ей лучшую защиту от холода. Она позволяет мне надеть его на неё. На задней стороне пальто гласит надпись «Полиция». Это очень важно, и намного теплее, чем у неё. Затем я беру перчатки и надеваю их ей, прежде чем вытащить из дома.

— Куда мы идем? — спрашивает она, когда мы выходим из подъезда.

— Завтракать, — отвечаю я. Это правда. Я не хочу её напугать, но также не хочу обманывать, поэтому расскажу ей все сразу. — К моей маме.

Я смотрю на Кэтрин. Глаза у неё большие. Я протягиваю руку и обнимаю её.

— Она полюбит тебя. Я обещаю. Доверься мне. Если придется, она прилетит на луну, чтобы встретиться с тобой.

Я немного сжал её руку, чтобы Кэтрин успокоилась. Так как я живу недалеко от моей мамы, можно было бы и прогуляться, но я не захотел. Когда мы добираемся, я паркуюсь, и смотрю на мою девочку. Прижав её к себе, целую.

— Мамы меня не любят, — шепчет она, глядя на свои колени. Её слова заставляют мои кишки скручиваться в узел.

Я положил палец под её подбородок, заставив взглянуть на меня. Её глаза полны беспокойства, и я чертовски ненавижу это, но продолжаю, зная, что она полюбит мою маму. Что моя мама будет к ней хорошо относиться. Я покажу ей, что не все родители — дерьмо, и моя мама скоро станет и для неё мамой.

— Ты доверяешь мне, детка? — спрашиваю я её.

— Всегда, — отвечает она мгновенно.

— Тогда поверь мне, что я бы не привел тебя туда, где тебя ожидает разочарование. Моя мама будет любить тебя. Тебя трудно не любить, — её дыхание немного замирает. — Тебе достались дерьмовые родители, но это не имеет никакого отношения к тебе самой. Ты чертовски совершенна. Они многое потеряли.

Кэтрин слегка улыбается. Я же наклоняюсь и снова целую её. Она тает в моих руках, и я чувствую, что напряжение покидает её тело. Я выпрыгиваю из патрульной машины и, обойдя, открываю дверь со стороны Кэтрин. Протягиваю ей руку и помогаю выбраться.

Когда мы подходим к двери, я киваю Чаку в приветствии. Его глаза широко раскрыты, когда он видит Кэтрин. Я же притягиваю её к себе. Мне не нравится, когда какой-то мужчина смотрит на неё, отчего возникает желание показать всем, что она моя. Мне нужно срочно обручиться с ней. Может быть, даже оплодотворить её. В голове возникают все моменты, когда я брал её без защиты, и я улыбаюсь, думая, что ребёнок это вопрос времени.

Мои мысли заходят куда дальше, отчего мой член затвердевает при мысли о моём кольце на её пальце, о моём ребенке в её животе. Я знаю, что это случится. Эта девушка была создана для меня. Последние двадцать четыре часа были лучшими в моей жизни, но я должен быть чертовски осторожным, и не забегать вперед. Чёрт возьми, я должен все предусмотреть.

Когда мы подходим к двери моей мамы, я целую Кэтрин в макушку. Берусь за ручку двери и оказываюсь немного шокирован тем, что дверь заперта. Я улыбаюсь этому. Мама, наконец, послушала меня. Я стучу. Через несколько минут дверь открывается, и на пороге показывается Джордж. Я качаю головой.

— Не прошло и года, — говорю я ему. Я говорю не о том, сколько времени ему потребовалось, чтобы открыть дверь. Я рад, что они с мамой, наконец, вняли моей просьбе об осторожности. Ну, я думаю, больше вняла моя мама.

Джордж улыбается.

— Наконец-то сломалась, — он пожимает плечами. — Ладно, может, я сломался, когда этот чертов новый сосед из квартиры 9 А попытался приударить за Салли.

Я смеюсь над этим.

Взгляд же Джорджа переходит на Кэтрин.

— Кэтрин? — говорит он.

— Привет, Джордж, — бормочет она и пытается немного придвинуться ко мне, но я и так ближе некуда.

— Заходи.

Джордж уходит с дороги, и мы входим в квартиру. Моя мама выходит в халате. Она улыбается, когда видит меня, затем её взгляд падает на Кэтрин, и её улыбка становится еще шире. Её лицо загорается.

— Сынок! Кто это? — кивает она, бросаясь к нам.

— Это моя девочка Кэтрин, — отвечаю я ей. Я смотрю на неё, и вижу, что её щеки розовеют.

— И ты скрывал от меня такую драгоценность? — мама хватается Кэтрин за руку, уводя от меня, и обнимает её.

— О, боже мой, ты такая маленькая. Пойдем, я тебя накормлю, — Ма вытаскивает её из гостиной на кухню. Кэтрин смотрит на меня через плечо, в её больших глазах плещется беспокойство. Я подмигиваю ей.

Я обращаюсь к Джорджу, когда думаю, что они не слышат, и понижаю голос.

— Ты её знаешь? — спрашиваю я.

— Городок у нас маленький. Я знал её отца. Все знали. Пьяниц у нас не любят.

Я провел руками по волосам. Я ненавижу, что ей пришлось мириться с этим дерьмом.

— Не припоминай при ней отца, — прошу я его. Я почувствовал, как Кэтрин прижалась ко мне, когда увидела Джорджа. Вероятно, она поняла что он знал её отца, и ей не нравится говорить о нём. Я до сих пор не получил многих ответов на свои вопросы, но не буду настаивать. Пока нет. Я хочу, чтобы она

сама рассказала мне обо всём, и со временем узнаю о ней всё. Как, например она рассказав о своей матери в машине. Вчера она упомянула, что её мама ушла, когда она была маленькой, но не больше. Она не произнесла это с большим волнением, но обида до сих пор кровоточит, и я поклялся себе, что сделаю все, чтобы избавить её от поганого прошлого.

— Хорошо, — легко соглашается он. — Она милая девушка.

— Я знаю, — мгновенно отвечаю.

Джордж улыбается мне.

— Я рад, что ты её нашел.

— Я тоже.

— Поползут сплетни, — добавляет он, и я знаю, что он прав. Она все еще в старшей школе. На десять лет моложе меня.

— Насрать, — говорю я. Потому что я этого не позволю. Ничто не разлучит нас. Даже моё положение шерифа. Если кому-то что-то не нравится, я уйду с поста.

Джордж смеется.

— Хорошо.

— Пойду, проверю мою девочку, — говорю я ему, и направляюсь на кухню. Я не хочу, чтобы она подумала, что я её бросил. Я останавливаюсь в дверях, когда вижу, как она смеется над чем-то, что сказала моя мама. Она стоит рядом с ней, помогая готовить.

Я прислонился к дверной раме и наблюдаю за ними. Кэтрин поворачивается, чтобы посмотреть на меня, яркая улыбка освещает её лицо. Я улыбаюсь ей, понимая, что теперь наша жизнь изменится навсегда.

Глава 10

Кэтрин

Я смотрю на школу и не хочу выходить из машины. Наши пальцы переплетены, мне так трудно отпустить Коула. Я прекрасно понимаю, что как только выйду из патрульной машины, то окунусь в реальность, а Коула не будет рядом, чтобы оградить меня от этой нелегкой жизни.

— Я встречу тебя после занятий, — говорит он. Я смотрю на него и понимаю, что Коул тоже не хочет меня отпускать. Он слегка сжимает мою руку. — Сегодня я куплю тебе сотовый. Мне не нравится, что я не могу связаться с тобой, когда захочу.

— Хорошо, — смущенно шепчу я. Мне тоже это не нравится.

— Ты не хочешь идти? — спрашивает он, и я киваю головой.

— Тогда я не буду заставлять тебя, — продолжает Коул и тут же мой взгляд приковывает к нему.

— Но я должна. Еще немного, и все будет кончено, — шепчу я.

Глубоко вдохнув, Коул притягивает меня к себе и нежно целует. Я таю в его объятьях и забываю обо всем. Но поцелуй слишком быстро заканчивается.

— Иди, детка, иначе я уеду вместе с тобой, — рычит он, и я улыбаюсь от его слов.

Схватив рюкзак, я всё же выхожу из машины. Сделав шаг, поворачиваюсь и смотрю на Коула. Он тоже смотрит на меня. Я чувствую, как краснею и, смутившись своей реакции на него, бегу в школу.

Добравшись до своего шкафчика, беру учебник и иду в класс. Почти сразу, как только устраиваюсь на стуле, учитель начинает урок. Но я не слышу, о чём он говорит. Все мои мысли заняты этим утром и тем, что произошло вчера.

Я так испугалась, когда Коул подъехал к дому своей матери. Мало того, что я волновалась из-за встречи с ней... но так же ещё однажды украла из этого дома еду. Интересно, что бы подумал Коул, узнав об этом. И вообще обо всех тех нехороших поступках, которые я совершила. Золотой мальчик города... Шериф... а связался с воровкой и лгуньей.

Но может он всё же никогда не узнает? От этой мысли у меня немного сводит живот. Мне не нравится идея скрывать хоть что-нибудь от Коула, но я боюсь потерять его. Он был так добр ко мне. И его мама приняла меня как будто я её давно потерянная дочь.

Я впитывала как губка её внимание и растаяла после слов Салли о том, что она, счастлива за сына. Потом она начала говорить о внуках. Сначала я покраснела, но чем больше она говорила и говорила об этом, я не смогла сдержать улыбку и... тоже захотела детей.

Мы с Коулом не пользовались защитой. Он об этом и не говорил. Возможно, это вылетело у него из головы, но не ускользнуло от меня. Только я промолчала. Я ужасный человек, да? Но как бы то ни было, мне нравится идея иметь ребёнка Коула. Тогда у меня всегда будет частичка его, даже если он не захочет меня после того, как узнает больше о моём прошлом. Я пытаюсь прогнать эти мысли. У меня нет финансовой возможности растить ребёнка самостоятельно. И крыши над головой у меня тоже нет. Но все же мысль о маленькой частичке Коула занозой засела в голове и, опустив руку к животу, я держу её там до конца урока.

Наконец звенит звонок, и я иду в следующий класс. Но сегодня мне не учёбы. У меня на уме только Коул.

Интересно, что он делает? Думает ли он обо мне?

— Кэтрин, на секундочку, пожалуйста, — я отрываюсь от своей книги и вижу тренера Сноу, стоящую передо мной в библиотеке. Во время обеденного перерыва я всегда предпочитаю приходить сюда, а не в столовую. Меня переполняет страх перед ней.

— Конечно, — говорю я, двигаясь, чтобы встать, но она жестом показывает мне оставаться на месте.

Тренер подходит к столу, за которым сижу я, и нависает надо мной. Её светлые волосы падают вперед, она одета в одну из тех облегающих футболок группы поддержки, которые носят другие девочки в школе. Должно быть у них сегодня вечером игра или что-то вроде того. Тренер Сноу тренирует команду группы поддержки школы и ещё я слышала, что когда-то она была профессиональной болельщицей в НФЛ.

— Я буду с тобой откровенна, Кэт, — начинает она, и я вздрагиваю от прозвища, которым меня дразнят дети в школе. — Ты трахаешься с шерифом, чтобы у тебя было жильё?

Я чувствую, как кровь уходит с моего лица. Взгляд тренера пристально устремлен на мою рубашку, и я замечаю, как злость овладевает её лицом и она продолжает:

— Да, я видела, как он высадил тебя сегодня у школы. Вчера, после инцидента с душем я проехала по указанному в твоём личном деле адресу. И... увидела, что двери и окна дома заколочены, — злорадно ухмыляется она, как будто счастлива, что мне негде жить. — На твоём месте я бы держалась подальше от шерифа. Если всплывет, что он трахает старшеклассницу и позволяет ей жить с ним, это полностью разрушит его. Ему придётся расстаться с должностью шерифа и бежать из города.

От слов тренера у меня в горле образуется комок. Я знаю, что она права. Коула никогда не переизберут вновь на должность шерифа, если люди узнают о том, что мы вместе.

— Кроме того, ты не знаешь, что делать с таким мужчиной, как Коул Бэннон, — шипит она и, развернувшись, уходит.

Я встаю, желая как можно скорее выбраться из библиотеки, и... попадаю в мерзкие лапы Рена.

— Куда это ты так торопишься? — ухмыляется он, до боли вцепившись пальцами в мои плечи и облизывая свои губы. — Если бы я знал, что для того, чтобы получить сладкое местечко между твоих бёдер, тебе надо всего лишь предоставить крышу над головой, то давно бы уже поселил тебя в гостевой домик своих родителей, — хватка Рена на моих плечах усиливается и он толкает меня назад, пока я не упираюсь спиной в стену. Я проклиная себя за то, что выбрала стол в укромном уголке библиотеки, ведь поблизости никого нет.

— Отпусти меня, — от страха шепчу я.

— Он забрал твою вишенку? Да? — рычит Рен. — Из-за тебя я проспорил тысячу долларов, но ты можешь загладить свою вину. Готов поспорить шериф научил тебя, как надо ублажать мужчин. Он научил тебя сосать член?

Пронизывающий холод бежит по моему позвоночнику и страх острыми шипами вонзается в меня. Я пытаюсь оттолкнуть Рена, но тщетно. Он даже не сдвигается с места. Его мерзкий рот касается моей шеи, и он начинает стягивать с меня одежду. Я продолжаю пытаться бороться с ним, но он слишком силен.

Тогда я приподнимаю колено и изо всех сил бью Рена прямо по яйцам. От болезненного удара он опускается на колени, и я замечаю девушку, стоящую позади него. По её лицу заметно, что она шокирована происходящим.

— Ты в порядке? — спрашивает она. Я киваю головой и выбегаю из библиотеки, оставляя свои вещи. Выбежав из школы, я думаю только об одном месте, где могу быть в безопасности. Это дом Коула. Конечно, я могла бы заявиться к нему и в полицейский участок, но тренер Сноу права. Тогда все узнают, что мы с Коулом любовники. Он точно не сдержится и сделает что-нибудь такое, что выдаст нас.

Подгоняемая холодом, я быстро иду к дому шерифа и останавливаюсь, замечая, что входная дверь взломана. Маленький чёрный спортивный автомобиль припаркован у дороги, и я не знаю, что мне делать дальше. Но пронизывающий холод толкает меня к двери, и я вхожу в дом. В гостиной никого нет, но в спальне Коула слышны шаги.

— Коул? — зову я. Может быть, черная машина лично его? Хотя не похоже. Это не его стиль.

И тут в гостиной появляется женщина в одном лишь красивом сексуальном белье. Я замираю на месте и сразу узнаю её. Она из банка.

— О, прости, я думала, что пришёл Коул, — плотоядная улыбка сходит с её лица и она, прищурившись, смотрит на меня. — А ты что здесь делаешь? — злобно шипит она, и я отступаю назад. Я чувствую, что сама должна бы была задать ей этот вопрос, но вместо этого, поворачиваюсь и бегу из дома.

Глава 11

Коул

Я перевожу взгляд с экрана своего компьютера на свой телефон, и вижу, как загорелось имя моей мамы. Я в шоке, ей потребовалось много времени, чтобы позвонить мне. Я схватил его.

— Ма, — говорю я легко.

— Не смей мамкать! Она драгоценна, — выпаливает она, заставляя меня улыбаться. Я делаю это весь день. Я не могу остановиться. Единственное, что меня беспокоило это то, что она не захотела идти в школу сегодня утром. Я видел страх на её лице. Мне потребовалось всё моё терпение, чтобы заставить её выйти из машины.

— Я знаю. С чего ты решила, что у нас это мимолетно? — говорю ей. — Как насчет тебя? Я вижу, что ты, наконец, сдалась Джорджу, — она фыркнула в ответ. Зимний воздух, кажется, пропитан любовью. Сначала я, теперь моя мама, о, и когда я пришел в отделение этим утром, Пэм и Ашер были там вместе. Видно их снежная ночь в участке не прошла бесследно. Наконец-то.

Я не понимаю, как люди сдерживаются. И моя мама, и Ашер ходили вокруг да около с людьми, которых они любили. С Кэтрин не было таких заморочек. Я действовал как бульдозер. Я просто благодарен, что ей уже восемнадцать. Я не знаю, что бы случилось, если б ей было семнадцать. Я отталкиваю эту мысль, потому что в глубине души я уже знаю.

— Ты думаешь, она слишком молода? Она готова к тому, чего ты хочешь? Потому что я видела твой взгляд, твои глаза просто приклеились к ней, — я знаю, что мама не говорит, чтобы я не был с Кэтрин. Она беспокоится, чтобы потом мне не было больно.

— Я сделаю всё, что нужно, чтобы она была рядом. Всё, что угодно, — добавляю последнее слово, чтобы она знала, насколько я серьёзно отношусь к ней. Кэтрин, возможно, не захочет бросаться во все тяжкие в наших отношениях. Если это так, то я готов ждать. Даже если это убьёт меня. Пока она находится в моей постели и в моём доме, я сделаю всё, что потребуется.

— Я знаю, что сделаешь. Я просто не хочу, чтобы ты страдал. Это первый случай, когда ты когда-либо проявлял интерес к кому-то раньше или приводил к нам девушку.

— Она моя, — признаюсь я. — Когда я увидел её, сразу это понял. Это как будто во мне что-то щелкнуло. Мне показалось, что я уже знал её. Знал, что она моя.

— Хорошо, потому что я хочу, чтобы она была с нами.

Я не могу не смеяться над этим.

— Спасибо, что сегодня так хорошо приняли её. У неё нет семьи.

— Теперь есть, — говорит мама. Мое внимание обращается на дверь в моём офисе, и я вижу там Пэм.

— Да, ты права, — согласился я. — Ма, у меня дела. Я позвоню тебе позже.

— Ладно, дорогой. Будь осторожен и приводи эту девочку на обед в воскресенье.

— Сделаю. Люблю тебя, мама.

— Тоже тебя люблю.

Я повесил трубку, и Пэм, наконец, заходит в мой кабинет. Я обычно оставляю дверь открытой, поэтому люди могут свободно заходить, когда захотят.

— Получен звонок из средней школы. Кажется, попытка изнасилования.

— Иисус, — встаю я, снимая пальто со спинки стула. — Скажи Ашеру, что я жду его.

Пэм кивает. Я хватаю рацию и прикрепляю к поясу. Может быть, я увижу Кэтрин, пока буду там.

Путь до школы не занял много времени. Я зашел в парадную дверь, и женщина за стойкой регистрации направляет меня в кабинет директора. Я шагнул, увидев парня, сидящего в кресле, с опущенной головой.

— Сколько ему лет? — спрашиваю я. Мне нужно знать, обязаны ли мы позвонить его родителям.

— Восемнадцать, — говорит директор.

Я присвистнул.

— Считаешь себя уже взрослым... — я замолкаю, увидев в кабинете директора Рена Коллора.

*Бл*дь. Коллор.*

— Рен Коллор, — говорю я.

— Я хочу адвоката, и позвонить моему отцу, — ничего страшного. Коллор — значимое имя в нашем маленьком городке. Землевладельцы, да и только. У них есть кое-какое состояние, но я не думаю, что кто-то в семье действительно работает. Я знаю, кто отец Рена, тут без вопросов. Яблоко от яблони. Я качаю головой.

— Встань, — приказываю я. Он делает, как я приказываю. — Руки за спину.

— Ты серьёзно мать твою? — говорит он дерзким голосом.

— Повторяю. Руки за спину, — он делает это, и готов поклясться, его это бесит. Как в принципе и меня.

— Девушка, которую он пытался изнасиловать, сбежала, но нашелся свидетель, который рассказал нам, что произошло, после чего мы забрали Рена из класса и вызвали вас, ребята, — я кивнул, а затем начал зачитывать Рену его права.

— Свидетель находится в соседней комнате, — директор указывает на комнату. В это время входит Ашер.

— Никто не знает, куда убежала жертва?

— Она не была жертвой. Она этого хотела, — говорит Рен.

Мне требуется всё мое самообладание, чтобы не ударить его по затылку.

— На твоём месте я бы помалкивал, — зарычал я.

— Может быть, домой, — продолжает Ашер, игнорируя Коллора. — Я нашел её адрес, — он передает мне информацию. — Её зовут Кэтрин Янг.

Моё тело напрягается. Я всё ещё держал руками наручники вокруг запястий Рена, и с силой затянул браслеты, отчего металл впился в кожу парня. Он вскрикивает от боли.

— Наручники сильно жмут, ублюдок! — кричит он, но мне насрать. Все, что я вижу, красная пелена.

— Коул. Коул! — я слышу, как кто-то кричит на меня. Я смотрю на Ашера, который стоит в дверях, размывая красную дымку, которая охватила меня.

— Поговори со свидетелем. Она в соседней комнате. Я не хочу тащить её в участок, — я киваю на комнату, в которой она находится. — Я посажу его в твою машину. А сам поеду искать девушку.

— Хорошо, — соглашается он, но с минуту осматривает меня.

Я дергаюсь Рена за наручники, заставляя его кричать от неудобства.

— Двигайся, — гаркаю, потянув его к двери. Я выталкиваю его вперёд, когда мы выходим из школы. Я подставляю ему подножку, и Рен теряет равновесие. Он падает на покрытый льдом бетон, и я слышу хруст. Я улыбаюсь звуку.

— Осторожно, тут скользко, — я тянусь вниз и грубо поднимаю его на ноги.

— Я не поскользнулся, ты...

Я оборвал его.

— Заткнись, или я это сделаю, — говорю я ему. Я смотрю на него, но он молчит. — Двигайся, — я снова подталкиваю его к патрульной машине Ашера. Открываю заднюю дверь, чтобы посадить его, но перед этим хватаю его за голову и бью об борт машины. — Осторожней.

Поток проклятий извергается шепотом. Я захлопнул за собой дверь и опёрся на машину, пытаюсь взять себя под контроль. Я хочу открыть дверь и избить этого пацана, пока он не сможет двигаться или даже дышать.

Кэтрин, я напоминаю себе. Мне нужно найти мою девочку. Удостоверится, что она в порядке. Я подлетаю к своей машине и запрыгиваю за руль. Завожу машину и мчусь домой, молясь, чтобы она была там. Я сужаю глаза, когда снижаю скорость и вижу машину Эрики, припаркованную перед моим домом.

— Какого хрена? — бормочу я, выпрыгивая из машины и направляясь к двери. Когда я открываю её, то вижу, Эрику, на которой нет ничего, кроме бюстгалтера и трусиков. Я игнорирую её. — Кэтрин! — кричу, забегая в дом.

— Коул! — зовёт меня Эрика.

— Где она? — делаю шаг в её направлении.

— Кто? Молодая девушка? Я думала, что она прокралась сюда. Я пыталась позвонить тебе, но ты не ответил.

— Где она? — повторяю я, делая еще один шаг к ней.

— Она убежала отсюда, — быстро отвечает Эрика.

— Убирайся из моего дома, Эрика. Или я арестую тебя за проникновение со взломом, — кричу через плечо, бросаюсь к двери и прыгаю обратно в свою машину. — Чёрт! — ударяю по рулю, задумываясь о том, куда направилась моя малышка, и о чём она подумала. Сначала это дерьмо с Реном, затем побег домой и обнаружение голый курицы в нашем доме. Я крепко сжимаю руль, пока еду к её старому дому.

Прибыв на место, я оставляю машину в парке, едва нажав по тормозам, прежде чем выпрыгнуть, и бегу к задней двери. Я вижу лом на земле, и несколько оторванных досок. Отверстие недостаточно для меня, чтобы пролезть, но моя маленькая Кэтрин смогла.

Я наношу один сильный удар по доскам, и они крушатся, разлетаясь в стороны. Я иду прямо в её комнату. Останавливаюсь, когда вижу, как она бежит по комнате, упаковывая сумку, её лицо влажное от слез.

— Детка...

Услышав меня, она резко оборачивается и с её губ срывается всхлип.

— Я никогда в жизни не касался этой женщины. Ей повезёт, если я не передумаю выдвигать против неё обвинения.

Она ещё раз всхлипывает, прежде чем броситься в мои объятия. Я крепко её держу. Не думаю, что когда-нибудь смогу отпустить её снова. Я подхожу к кровати, хватаю сумку, которую она упаковывала, и выхожу из холодного дома, всё ещё прижимая к себе свою драгоценную ношу. Я бросаю сумку в багажник, а затем отодвигаю своё сиденье назад и сажусь в машину с моей девочкой на руках.

Я глажу её спину, пока она тихо всхлипывает, содрогаясь своим крошечным телом.

— Малышка, ты разбиваешь мне сердце, — шепчу я ей на ухо. — Я тебя понимаю. Ты больше никогда не вернешься в эту чёртову школу. Я собираюсь запереть тебя в моём доме, — я всего лишь шучу. Или, может быть, я вообще не шучу. По крайней мере, сейчас.

— Мы не можем быть вместе, — рыдает она.

— Даже, мать его, смерть нас не разлучит, — рычу я. Кэтрин немного отклоняется, чтобы посмотреть на меня. Я обнимаю её лицо и целую, останавливая слезы.

— Они не позволят тебе быть шерифом, — её нижняя губа дрожит, когда она это говорит. — Они собираются рассказать обо мне ужасные вещи, которые ты ещё не знаешь.

— Меня не волнует, кто что думает, и я откажусь от этой работы в любую секунду, лишь бы быть с тобой.

— Нет, если узнаешь обо мне всё, — она размахивает руками. — Я воровка и лгуныя! — она снова обнимает меня.

— Нет, детка, ты пыталась выжить, — говорю я ей мягким голосом. — Я коп, Кэтрин. Я собрал информацию, и знаю, что ты делала. Твои действия я расцениваю как выживание, и никто не сможет использовать это против нас. Никто никогда не узнает. Я же сказал, что позабочусь о тебе. Никто тебя больше не тронет.

Она откидывается назад, чтобы посмотреть на меня, её слезы, наконец, останавливаются. Я вновь прижимаю её обратно к себе и крепко целую, напоминая ей, что она принадлежит мне.

— Хочешь поговорить о чём-то еще? — спрашиваю её я. Я не хочу сильно давить и расстраивать её, когда только успокоил.

— Я ненавижу всех этих женщин. Они все пытаются охмурить тебя, — рычит она, как маленький котёнок, и мой рот дергается в улыбке. Она бьёт меня в грудь, но я хватаю её за руку, притянув обратно. — Это не смешно. Это сводит с ума.

— Тогда пусть все узнают, что мы принадлежим друг другу, — она смотрит на меня сквозь ресницы. Её внимание привлекает её палец, на который я надеваю кольцо, которое купил сегодня утром.

Она задыхается, когда видит это. Кольцо с изумрудным камнем в центре, окруженным маленькими бриллиантами на платиновой основе. Когда я увидел его, то сразу вспомнил о её глазах, и взял не раздумывая.

— Мы даже не знаем друг друга, — она прикусывает губу, но я могу сказать, что она этого хочет.

— С того момента, как я нашел тебя, ты стала всем для меня. Моей родственной душой. Я почувствовал это всем своим существом. Я знаю, что ты хочешь этого, детка. Я люблю тебя больше всего на свете, и я буду сражаться со всем этим грёбаным городом, чтобы быть с тобой. Скажи да. Скажи мне, что ты будешь моей. Что ты принадлежишь мне и только мне.

— Да! — она снова бросается ко мне, обнимая за шею, прежде чем начать целовать меня по всему лицу. — Да, да, да, да, — повторяет она. Её рот, наконец, находит мои губы, и она целует меня. Этот поцелуй продолжается вечно, и она начинает шевелиться у меня на коленях.

— Отвези меня домой. Люби меня, — стонет она. Я рычу от её слов. Я знаю, что нам нужно отправиться в полицейский участок.

— Я тоже тебя люблю, — отвечаю я. Мысли о поездке в полицейский участок оставляют мой разум. Мы сделаем это позже. Прямо сейчас я заберу свою невесту домой и займусь с ней любовью. Я снова атакую её рот, желая ещё одного поцелуя, прежде чем стащу со своих колен на соседнее сиденье.

Она начинает расстегивать пуговицы моей униформы, затем вытаскивает мою рубашку из штанов.

— Я не могу ждать, — кричит она. Я просовываю руку под её рубашку, обхватывая одну её грудь. Я не думаю, что смогу подождать так же как не могу поверить, что сомневаюсь брать её прямо в машине. Она пытается снять рубашку, но я останавливаю её.

— Нет, детка, если кто-то увидит тебя голой, я убью его, — мрачно говорю я. Она перестает тянуть за рубашку, но её руки хватаются за пуговицу моих штанов. Она не теряет времени, освобождая мой член, и оборачивая свою крошечную ладошку вокруг него. Кэтрин начинает меня поглаживать. Я в шоке, и собираюсь заняться этим в машине, где нас могут увидеть, но когда дело доходит до неё, я не могу

сказать нет. Она хочет меня здесь и сейчас, и я собираюсь дать ей это. Она никогда не будет сомневаться в моей потребности в ней.

— В меня, — требует она самым резким голосом, который я когда-либо слышал.

— Штаны, — говорю я ей. Она извивается, и мы снимаем с неё джинсы, и она снова у меня на коленях. Я скольжу рукой между нами, желая убедиться, что она готова принять меня. Из меня вырывается стон, когда чувствую, насколько она влажная.

— Чёрт, детка, твоя киска просит его. Тебе нужен мой член?

— Ты мне нужен, — прежде чем я смогу ответить, она опускается на мой член. Я почти кончаю на месте, когда её шелковая жара охватывает член.

— Боже, ты такая тугая, — сквозь стон говорю я. Хватаю её бедра и двигаюсь в ней. Нахожу её рот, но мы так потеряны в страсти, что наш поцелуй дикий и неуклюжий. Я проникаю глубже, задевая её точку G, не забывая при этом, что её клитор плотно прижимается ко мне. Это не займет много времени. Я не знаю, сколько прошло секунд, но мы оба уже взрываемся друг в друге.

Мой член дёргается внутри неё, и я изливаюсь в её утробу. Я крепко обнимаю её, желая проникнуть внутрь неё настолько глубоко, насколько смогу.

Мое имя снова и снова срывается с её губ, и я клянусь, что это заставляет мой член извергаться сильнее. Её киска сжимается, и это похоже на то, что она пытается убедить меня, что она высасывает каждую каплю. Её киска жадная, и я чертовски люблю её.

— Боже, я люблю тебя, — говорю я ей.

— Я тоже тебя люблю. Никогда не знала, что такое любовь до тебя. Ты заставляешь меня чувствовать себя в целостности и сохранности.

— Я собираюсь провести свою жизнь, убеждая тебя в этом всё больше и больше, — я утыкаюсь лбом в её лоб.

— Как мне так повезло? — спрашивает она и кладёт голову мне на грудь.

— Я счастлив. Давай детка. Поедем в город, чтобы ты меня удержала от убийства этого засранца Рена.

— Ты не можешь его убить. Ты мне нужен. Кроме того, я очень хорошо огрела его по яйцам, — хихикает она. Это успокаивает меня.

— Он причинил тебе боль? — я затаил дыхание.

— Нет, как я уже сказала, я ударила его по яйцам и убежала. Я просто хотела быть с тобой. Я ненавижу эту школу.

Я целую её в голову. Я не говорю ей, что она не вернется туда. Об этом позже. Наверное, когда мой коматозный оргазм пройдет.

Я прижимаю её руку к губам и целую её кольцо. Я сойду с ума, если не женюсь на ней завтра же.

Наверно я успокоюсь только тогда, когда все узнают, что она моя.

Эпилог 1

Кэтрин

Шесть месяцев спустя...

Я вхожу в полицейский участок и останавливаюсь у стойки регистрации. Ставлю на неё корзинку с домашней выпечкой, которую приготовила специально для станции, и стаканчик кофе для Коула.

— Привет, Кэтрин, — улыбается мне Пэм.

— Привет, — отвечаю я. — Тихо сегодня?

— Да. Можешь на минутку подменить меня? Мне нужно в дамскую комнату.

— Конечно, могу, — киваю я и устраиваюсь поудобней на её стуле. Несколько дней в неделю я прихожу в участок, чтобы помочь. Я окончила школу и мне просто скучно сидеть дома и заниматься только уборкой и готовкой.

После инцидента с Реном, я рассказала Коулу о том, что случилось с тренером Сноу и о том, как некоторые девочки обращались со мной в школе. Он сразу же перевёз мои вещи к себе, по-своему разобравшись с моими обидчиками, и сделал так, что я смогла продолжить обучение из дома, посылая готовые домашние задания по электронной почте.

Тренера Сноу уволили. Всякий раз, видя меня с Коулом, она смущалась и краснела. В конце концов, она навсегда переехала в другой город.

Рена тоже стали преследовать неудачи одна за другой. После того, что случилось со мной, ещё несколько других девушек дали против него показания. Рен признал свою вину и теперь очень не скоро выйдет на свободу. Во время следствия над ним, я боялась, что власть и деньги родителей Рена помогут ему избежать наказания. Но нет. Они сами бежали из города, желая избежать сплетен и продав за бесценок свои земли.

Я поднимаю взгляд, когда слышу, как кто-то входит в участок.

Мужчина в костюме подходит к моему столу.

— Привет, — говорю я, улыбаясь ему. Я никогда не видела его раньше. К тому же не так много людей в наших краях бродят в костюмах.

Он улыбается мне, прислонившись к стойке.

— Кажется, я немного заблудился и надеялся, что смогу узнать дорогу.

— Буду рада помочь, — говорю я ему. — Куда вам надо попасть? — продолжаю я и достаю карту города из ящика стола.

— Ты скоро освободишься? — неожиданно спрашивает меня мужчина.

— Хм. Я просто подменяю Пэм на минутку, пока она не вернется, — отвечаю я и разворачиваю карту.

— Как насчет того, чтобы пообедать вместе в закусочной по соседству, и ты лично смогла бы показать то место, что нужно мне? — подмигивает он мне и улыбается.

Немного шокированная поведением мужчины я смотрю на него. Я не привыкла к приставаниям, потому что мой муж шериф. Плюс, Коул всегда рычит от ревности, стоит только мужчинам подойти слишком близко ко мне.

Я улыбаюсь, вспоминая его рычание.

И тут огромная рука хлопает по стойке... и я подпрыгиваю от неожиданности.

— Коул! Ты напугал меня, — вскрикиваю я и прижимаю руку к груди.

Коул обхватывает меня за плечо другой рукой, и я смотрю на мужчину за стойкой. Теперь его глаза стали круглыми и большими, как блюдца, и нахальная улыбка слетела с лица.

— Вы не заметили кольца? А живот? — рычит Коул, и я прижимаю руки к своему животу. Он не большой, и я уверена, за стойкой его не видно.

— Прости, мужик, — поднимает руки вверх мужчина.

— Не мужик. Шериф, — поправляет его Коул.

Я стараюсь подавить рвущееся наружу хихиканье. Мне так нравится, когда Коул становится собственником и ревнует. Это заставляет меня чувствовать себя особенной и важной. Никто и никогда не любил меня так, как он. Коул всегда обращается со мной, как с редчайшей и бесценной драгоценностью в мире и я проглатываю это, даже если это варварство и безумие.

— Шериф, — бормочет мужчина, отступая на несколько шагов и развернувшись, стремглав выбегает из участка.

— Чёрт возьми, — рычит Коул.

— Я всё слышал, — раздается голос Ашера из его кабинета и я не сдержавшись, хихикаю. Все знают, как ревностно Коул относится к ругательствам перед женщинами, но когда я рядом, у него нет контроля над его ртом и некоторыми его действиями.

Но мне нравится, что я так влияю на него.

— Идём! — рычит Коул, как только возвращается Пэм и, вытянув меня со стула, тащит в свой кабинет. Он хлопает дверью за нами и щелкает замком.

Прежде чем я успеваю среагировать, Коул кладёт меня спиной на стол, и, приподняв кверху платье, срывает с меня трусики.

Одна из его рук ложиться мне на живот и он, опустившись передо мной на колени, раздвигает мои ноги своими широкими плечами.

— Хочу напомнить тебе, детка, кому принадлежит эта киска. И кому принадлежишь ты...

Я прикусываю губу.

Как будто я могу забыть об этом!

Но вслух ничего не говорю, а просто раздвигаю ноги шире и позволяю любимому шерифу следующие тридцать минут «напоминать» мне, что я принадлежу только ему.

Эпилог 2

Коул

Пять лет спустя...

Я наблюдаю, как моя жена, разговаривая с миссис Лемон, ходит по комнате в здании, которое мы купили три года назад. Кэтрин явно гордится всем, что она сделала. Я же держу на руках нашу спящую дочь, точную мини копию Кэтрин. У нашей малышки такие же чёрные волосы и пронзительно зелёные глаза. Наш старший сын занят делом и расставляет консервовы на полки.

Я не знаю, как Кэтрин это удаётся, но моя жена — шар нескончаемой энергии. Её невозможно остановить, когда она что-то задумала. Моя жёнушка не только успевает заботиться о нас с малышами, но ещё и управлять этим местом, будучи беременной.

Несколько лет назад, узнав, что некоторые семьи в нашем маленьком городке голодают, ей пришла в голову идея открыть продовольственную кладовую. Кэтрин сводило с ума, что другие люди могут голодать, как когда-то она.

Так у неё и появилась идея открыть продовольственную кладовую — место, куда могли бы прийти люди и взять еду. В кладовой даже стали упаковывать обеды в школу для детей и Кэтрин в выходные дни доставляла еду для детей, переживая, что кто-то из них останется голодным.

Со временем дел становилось всё больше. Теперь она следила, чтобы у детей была добротная тёплая зимняя одежда и обувь, а ещё и игрушки на Рождество.

В самом начале, когда Кэтрин только открыла кладовую, она волновалась, что люди не будут приходить, учитывая настороженное к нам отношение горожан, узнавших о наших отношениях. Но со временем, люди увидели, как сильно мы любим друг друга, и их взгляды изменились.

Постепенно в кладовую потянулись люди, и Кэтрин вышла из своей скорлупы. Горожане искренне полюбили её. Да и как её можно было не полюбить? Она готова была сделать всё, чтобы помочь другим. Даже миссис Лемон любит её и почти каждый день проводит в кладовой, помогая. Думаю, моя жёнушка нравится ей даже больше, чем я.

— Ты позволишь мне забрать внуков к нам с ночёвкой? — подходит ко мне моя мама. Она и Джордж поженились несколько лет назад. И дети называют его дедушкой.

Я улыбаюсь ей.

— Да, Ма, ты можешь забрать их, — мне чертовски нравится идея, что мы можем остаться сегодня с Кэтрин наедине.

Мы сможем разговаривать так громко, как захотим, и ещё я планирую заставить жёнушку кричать от страсти. Я весь день боролся с эрекцией, наблюдая, как она крутит сладкой попкой, выполняя свою работу.

Я передаю дочь моей маме.

— Пора забрать жену, — говорю я ей и, наклонившись, целую дочь в пухлую щёчку. Потом целую маму и иду к своей любимой женщине. Она здесь уже пять часов, и её время истекло.

Я подхожу к Кэтрин сзади и обнимаю её.

— Детка, — шепчу я ей на ушко. Она поворачивается и обнимает меня за шею. — Пора уходить. Мама сегодня заберет детей.

— Хм, — лукаво улыбнувшись, смотрит на меня Кэтрин. Моей девочке нравится эта идея.

— Я приготовлю тебе ужин и сделаю массаж, — продолжаю шептать я. — Да, кстати, как твои ноги? — беспокоюсь я. Они всегда сильно отекают у Кэтрин во время беременности.

— Всё в порядке. Но я всё равно не откажусь от массажа, — отвечает она и я, склонив голову, целую её. — Ну а насчёт ужина, думаю нам всё же лучше взять что-нибудь по дороге.

Я запрокидываю голову назад и смеюсь.

— Всё, что ты хочешь, детка, — соглашаюсь я и, подхватив жену на руки, несу к нашей семейной машине.

— Всё, что я действительно хочу – это ты, — шепчет она, кладя голову мне на грудь.

— Тебе не нужно этого хотеть, потому что я никогда тебя не отпущу и всегда буду рядом.

Конец!